

ГОЛОС ТРУДЯЩЕГОСЯ РАБОЧЕГО

ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧИХ
— ДЕЛО САМИХ РАБОЧИХ!

DECEMBER, 1924

PRICE 15C

RUSSIAN MONTHLY OF THE INDUSTRIAL WORKERS OF THE WORLD

Оглавление

Пути к свободе	3 стр.
Неотложные требования И. Р. М.	5 „
Синдикализм и воспитание	9 „
Азбука классовой борьбы	12 „
Пролетарская диктатура — это рабское учение	14 „
Немного о юдофобстве	17 „
Идеи и их осуществление	18 „
Билл огорчает своего хозяина	20 „
Шестнадцатый съезд Индустриальных Рабочих Мира ..	23 „
Из жизни политических заключенных в России	27 „
Письма читателей «Голоса Труженика»	31 „

Программа Индустриальных Рабочих Мира

Рабочий класс и класс хозяев не имеют между собой ничего общего. Между ними не может быть мира до тех пор, пока голод и нищета царят среди миллионов народа, а маленькая кучка, составляющая класс хозяев, пользуется всеми благами жизни.

Между этими двумя классами борьба должна продолжаться до тех пор, пока рабочие всего мира, организованные как класс, не завладеют землею и всеми средствами производства и не уничтожат системы наемного рабства.

Мы находим, что централизация производства, управление которым сосредоточивается в руках все меньшего и меньшего количества лиц, делает тред-юнионы неспособными бороться с постоянно растущей силой хозяев.

Тред-юнионы создают такое положение дел, при котором в одной и той же промышленности одна категория рабочих может быть противопоставлена другой, способствуя этим самым обоюдному поражению в борьбе против класса хозяев. Сверх того тред-юнионы помогают классу хозяев вводить рабочих в заблуждение, прививая им ложное мнение, что рабочий класс имеет общие интересы с предпринимателями.

Это печальное положение дел может быть изменено и интересы рабочих могут быть защищены только организацией построенной таким образом, что все ее члены в какой либо одной отрасли промышленности, или во всех отраслях, если это необходимо, прекращают работу всякий раз, когда стачка или локаут возникают в какой либо части промышленности признавая, таким образом, страдание одного — страданием всех.

Вместо консервативного девиза „справедливая поденная плата за справедливую поденную работу“ мы написали на нашем знамени революционный клич „уничтожение наемного труда“. Историческая миссия рабочего класса — уничтожение капитализма.

Армия производителей должна быть организована не только для повседневной борьбы с капиталистами, но также и для того, чтобы продолжать производство, когда капитализм будет свергнут.

Организуясь индустриально, мы создаем ячейки нового общества внутри оболочки старого.

Голос Труженика

GOLOS TRUZENIKA [THE TOILER'S VOICE]

Published Monthly by The General Executive Board of The Industrial Workers of the World.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на год — \$ 1.50, на 6 месяцев — 80 центов.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР — 15 СЕНТОВ.

SUBSCRIPTION RATES: \$ 1.50 per year; 80 cents per 6 months.

SINGLE COPY — 15 CENTS.

АДРЕС:

Golos Truzenika, 1001 W. Madison Street, Chicago, Ill.

VOL. VII, No. 2.

DECEMBER, 1924

PRICE 15C

ПУТИ К СВОБОДЕ

История указывает нам на удивительное сходство идолопоклонства всех веков и среди всех народов; антропология преподнимает пред нами занавесу и подтверждает заявление о том, что человечество преклонялось пред фетишами в течение бесчисленных веков. И все же, несмотря на это, архаический человек проявлял признаки пробуждения научного ума, когда он приписывал невидимым и сверхъестественным силам причины таких естественных явлений, которые попадали в поле зрения его ограниченного кругозора. Что причиняет шторм? Откуда приходит буря? Что причиняет прилив и отлив? Почему лето приносит пищу, а зима смерть? Все эти вопросы были трудными для ума простых людей, таких простых, какими были орудия, которыми они пользовались в снискании себе пропитания.

Проявление пытливого духа было началом науки. Они были любопытными; они хотели объяснить молнию, землетрясение и огонь, свет, жизнь и смерть. Страх преследовал примитивного человека. Но как сильно не боялся он когтей диких зверей, он еще больше содрагался, наблюдая титаническую силу бури, потому что в борьбе со зверями он мог вступать в схватки и победить или умереть; в борьбе же против сил стихии он сознавал свое бессилие. Поэтому он начинал предаваться размышлениям, к которым склонен человек без различия времени и места.

Он знал, что когда он изготовлял палку, он был ее создателем. Когда он убивал тигра, он был его уничтожителем. А поэтому очень легко верить, что какое то высшее создание, одаренное сверхъестественными силами, говорило морям и лесам языком ветров и угрожающим тучам громом молнии. Было очень легко

верить, что подобно тому, как человек появлялся на свет из утробы матери, дарующее жизнь солнце произрастало плоды и фрукты лета. Для него было также очень логично думать, что подобно тому, как он убивал своего дикого антагониста, невидимая сила, одаренная большей потенциальностью и мощью, ответственна за его болезни и смерть.

Человек убедился на опыте в своем ничтожестве. Разработка религиозных систем продолжалась несчетное время, а в основе всех человеческих религиозных мотивов заложены определенные присущие человеку черты, обсуждение которых и является целью этой статьи. Если человек не мог вести борьбы с бурей, он мог обратиться к богам и просить, чтобы они умили их неприязнь. Человек научился молиться, просить, преклоняться. Он хотел продлить свою жизнь удовлетворением капризов гигантов, которых он не мог видеть, но которые, как ему казалось, обладали и злой и доброй волей, подобно ему самому. Таким образом вы видите, что примитивные люди были заняты своим делом, очень важным делом — удалением от себя болезни и смерти. В отношении некоторых основных стремлений мы, как вы видите, не изменились во многом за все это время.

Важным фактом, который мы должны заметить в связи с этим, является то, что человек добивался определенных вещей, которых он не мог получить при посредстве своих собственных усилий. Обращением к высшим силам, чем он сам, он признавал свое ничтожество и неспособность. Но это было самым легким делом, линией наименьшего сопротивления.

Невежественные массы с тех пор обращаются к якобы высшим интеллектам, прося освобождения, пропитания и

счастья. Все боги, однако, не реют в небесах. Как правило, мы имели достаточно и земных богов — королей и правителей земли. Перед тронами этих оракулов массы, всегда создававшие все блага жизни, без которых мир должен был бы умереть, преклонялись, взывали и волновались. Последнее происходило, однако, очень редко. Как правило, массы довольствовались мольбами и наверное тем самым причиняли чувство отвращения даже среди самых грозных паразитов, занимавших высокие посты.

Людам, не привыкшим брать, очень легко просить. Политическая демократия является самым лучшим цветком этой попрошайнической наклонности, а сам порядок отличается своей удивительной простотой. Все, что нужно рабу, так это — проголосовать за кого-нибудь и попросить его, чтобы он дал что-либо рабам. Эти униженные просьбы все еще продолжают, хотя ответы на них и не бывают никогда благоприятными.

Всякая группа честных людей может собраться вместе и сказать: «Мы терпим от того-то и того-то, а поэтому изберем такого-то господина, чтобы он дал все эти вещи нам». Успех этой группы будет колебаться в зависимости от ее влияния. Рабочий класс, лежащий в основе всей структуры, просил многое за свой труд, но Толстой правильно заметил, когда сказал, что «властелины сделают все для бедных, но никогда не согласятся слезть с их спины».

Почему же тогда рабочие продолжают просить об облегчении, бросая никчемные избирательные записки в гробы пролетарских надежд? А потому, что они не знают лучших путей; потому что они были вымуштрованы так, подобно собаке, лающей по указке своего хозяина и еще

потому, что просить кого-либо, чтобы он достал что-либо, очень легкая вещь. Пока рабочие не узнают, что все эти мольбы не дадут им облегчения и что сами они должны организоваться индустриально и перенять индустрии, которые они же создали и в которых они работают, справедливости в мире не будет. Было сказано, что «королевских путей к знанию нет». Перефразируя это можно сказать: Парламентных путей к индустриальной свободе нет. Мы никогда не будем свободны, если только не добьемся свободы сами, а это означает, что мы должны воспитать сами себя и наших товарищей-рабочих. Это значит, что мы должны рассчитывать только на свои силы и не искать лидеров, которые якобы могут добыть для нас то, чего мы добиваемся. Мы не должны превозносить себя и не ставить никого на пьедестал. Мы не должны воспитывать в себе склонности к попрошайничеству, а накапливать силы и знание для того, чтобы можно было взять; не преклоняться пред фетишем, пред плотью и кровью. Природа стремится к лучшему, что есть в жизни и в возвышенных мечтах человека. Расточительность — благодетель, а экономия равносильна пощению голодного.

Мы создали богатства мира и его красоты, мы — великий, разрозненный и обираемый рабочий класс. Объединяясь индустриально с уверенностью в наши собственные способности и решимостью к победе, мы очень быстро сможем перенять в свое владение земли и индустрии. Нужно, однако, помнить, что вся огромная задача приобретения человеческого счастья в основе своей является личной проблемой. Всякий из нас должен делать все, что он может и полагаться на других рабочих во всем остальном.

ОРГАНИЗУЙТЕСЬ — ГОТОВЬТЕСЬ К ДЕЙСТВИЮ!

Кто должен организоваться? **Вы — рабочие.** Все те, кто заняты полезным трудом, работают для обогащения других, а сами влачат жалкое существование.

Когда организоваться? **Сегодня, не откладывая на завтра.** Завтра никогда не придет. Все что делается — делается сегодня.

Где организоваться? **На местах производства.** Там, где вы работаете — на фабриках, заводах, в мастерских, на полях, в лесах — **езде, где бы вы ни работали.**

Как организоваться? **В революционные индустриальные союзы,** цель которых — объединение и просвещение всех рабочих без различия национального происхождения, цвета кожи, ремесла и возраста. **Организоваться в союзы рабочих.**

Для чего организоваться? **Для борьбы за жизнь, за лучшую свободную жизнь.** Для уничтожения капитализма — этой общественной язвы. Для самоопределения и самоуправления. Организуйтесь для того, чтобы быть не выючным животным, а человеком в истинном смысле.

Неотложные требования И. Р. М.

Мы хотим начать это краткое изложение позиции И. Р. М. по отношению к неотложным требованиям процитировав последний параграф нашей программы: *„Армия производителей должна быть организована не только для повседневной борьбы с капиталистами, но также и для того, чтобы продолжать производство, когда капитализм будет свергнут“.*

Если мы задумаемся в этот параграф, мы увидим, что И. Р. М. признают повседневную борьбу с работодательским классом и находят, что одна из главных функций рабочего союза — предъявлять неотложные требования в отношении зарплаток, часов труда и других условий, а также вести борьбу за них. Кроме этого И. Р. М. энергично работают над созданием индустриальных союзов, которые должны будут служить органами производства и распределения в новом обществе.

Годы, истекшие с тех пор, как была написана программа И. Р. М., положение вещей во многом изменилось. Капитализм, а вместе с ним и его органы производства и распределения приходят в полное расстройство то в одной, то в другой стране, т. е. капиталистическая система начинает выполнять свои функции очень плохо или же совсем не выполняет. Это особенно заметно в некоторых странах Европы, в которых разруха оказалась настолько серьезной, что за индустриальным крахом там последовал крах правительственный, главным образом по причине отсутствия доходов, что еще раз доказывает утверждение И. Р. М. о том, что захват капиталистического правительства — напрасная трата времени для рабочих.

Но даже и в Соединенных Штатах, в этом последнем и самом крепком оплоте капитализма, органы производства и распределения начинают сильно расстраиваться и функционируют только с большим трудом и очень нерегулярно. Недавнее расстройство и почти что прекращение работ в большинстве огромных индустрий, служат признаками уже начавшегося разложения даже и в этой стране. Организм мирового капитализма умирает частями, но бесспорно, однако, одно: он еще сумеет протянуть несколько лет перед своей неотвратимой смертью в этой и других странах.

В таких условиях функция И. Р. М. — *создание структуры нового общества в оболочке старого* — приобретает большую важность в настоящее время.

Проведение в жизнь конечной программы, которую мы должны все время иметь в виду, в самом лучшем случае — дело нескольких ближайших лет. Такое гигантское учреждение, каким является мировой экономический механизм, не может быть революционизировано в один день. Оно не может быть перестроено приказами сверху. Общество — живой организм, подобно самому человеку, а не мертвая постройка, подобная дому или пирамиде. Оно не может быть пересоздано в соответствии с произвольными планами или догмами. Оно должно вырасти, подобно растению или животному в соответствии с естественными законами, а не по прихоти или желаниям отдельных лиц. Пройдет еще много лет прежде чем народные массы сумеют наладить свое общество в соответствии с этими закона-

ми, и наладить его так, чтобы оно могло нормально функционировать и с успехом удовлетворять их потребности.

До сих пор нам удалось привлечь на свою сторону своей проповедью экономического освобождения только часть людей. Если бы мы слишком увлеклись созерцанием нового общества через сильный телескоп нашего воображения и отбросили бы в сторону все другое, мы, рабочие, скоро бы были сброшены на землю энергичными протестами нашего пустого желудка.

По этой причине будет очень хорошо, если рабочие будут держать свои ноги твердо на почве суровой действительности и получать вдохновение и надежды главным образом из борьбы за освобождение от современного рабства.

Ни на момент рабочие не должны забывать своей повседневной борьбы с хозяевами, все время обращая внимание на энергичное ведение этой борьбы, так как на нее мы возлагаем все свои надежды и упования в нашей борьбе за уничтожение экономического рабства. Если мы будем уклоняться от этой борьбы и станем социальными звездочетами, новое общество навсегда останется для нас только мечтой.

Если даже часы труда и другие условия остаются удовлетворительными, случается очень редко, когда рабочий получает достаточно для того, чтобы содержать свою семью и воспитывать детей так, как он того хотел бы или так, как это необходимо.

Девяносто девять процентов рабочих трудятся или живут в условиях, которые могут быть и должны быть улучшены. Из числа рабочих миллионы — мужчины, женщины и дети — работают и живут просто так в ужасных условиях. Они живут в условиях, разрушающих их здоровье и мораль, что быстро делает их жертвами различных болезней и общего вырождения, — и это — единственное, что они только и оставляют в наследство своим детям. Для таких рабочих невозможна домашняя и семейная жизнь, что мы и наблюдаем теперь.

Чтобы остановить это быстрое падение по наклонной плоскости к полному уничтожению, необходимо требовать *немедленного улучшения условий труда и жизни рабочих во всех местах производства и жилищах.*

„Всегда против них“, таков должен быть лозунг рабочих все время в их отношениях к хозяевам. Если рабочие будут молчать и покорно переносить условия гнетущие их теперь, хозяева палец о палец не ударят, чтобы улучшить их. Зарплатки должны быть повышены с тем, чтобы рабочие могли покупать себе лучшую пищу, лучшую одежду и жить в лучших домах; часы труда должны быть сокращены с тем, чтобы рабочие могли получать лучший отдых, держать себя в чистоте и пользоваться разумными и полезными развлечениями. Все места работы должны быть приведены в такое состояние, когда они могли бы согласоваться с самыми строгими требованиями санитарии и гигиены, а вся тяжесть работы должна быть распределена среди масс населения с тем, чтобы мы могли продлить жизнь рабочих, а не убивать их преждевременно.

В этом отношении Индустриальные Рабочие Мира и дают нам хороший пример.

* * *

Те, кто достаточно стары, чтобы помнить условия жизни и труда, например, бродячих рабочих в начале этого века и раньше, прежде чем появилась организация И. Р. М., при строительных работах или же в лесах, на полях или же при сборке хлеба, даже теперь содрогнутся при мысли о них, когда вспомнят о том, какие лишения они и их товарищи-рабочие должны были переносить. Встать на работу такого рода в те дни — значило — сделать прыжок в сам ад крошечный без всякой надежды на счастье. Стать бродячим рабочим в то время — значило — навсегда попрощаться с жизнью. Вот в такое то время и появилась И. Р. М., как боевая революционная организация, дитя, чьим отцом была суровая экономическая необходимость и чьей матерью была волна поднимавшегося сознания рабочего класса. Их проповедь освобождения через индустриальную организацию несла с собой силу вдохновения. Уже осужденный на страдания элемент общества выпрямил в то время свою спину и вновь мог видеть голубое небо надежды.

За короткое время проповедь И. Р. М. медленно но уверенно проникла во все лесные стоянки. Гонимые нуждой рабочие шли в ряды И. Р. М. и как только они почувствовали за собой организованную силу и осознали свое человеческое достоинство, они стали предъявлять требования к своим хозяевам об улучшении условий жизни и труда в соответствии с новым осознанием ими своим положением в обществе; как правило они добивались всего того, на чем они настаивали.

Условия жизни и труда этих рабочих еще далеки от того, чем они должны быть, но никто не будет отрицать того факта, что при посредстве требований об удовлетворении непосредственных нужд, эти рабочие положили конец всем ужасам бродячей жизни и приобрели зародыш организации, которая готова вести борьбу и отстаивать рабочие интересы, всегда готова предъявлять новые неотложные требования.

Имеется одно общее заключение, к которому мы приходим из опыта борьбы И. Р. М. в прошлом, а именно: самый легкий и наиболее естественный способ ведения атаки против работодателей, это — предъявление требований об уничтожении тех зол, которые очевидны даже для самых неразвитых рабочих. А раз рабочие были уже объединены для общего выступления в малом масштабе, они поведут борьбу и в более широком масштабе, придерживаясь пословицы: „Куй железо пока горячо“. Прежде чем забыта первая маленькая победа, они выставляют новые неотложные требования. Каждое такое выступление в местах производства укрепляет организацию, вселяет новые надежды в самих рабочих и придает им силы.

Таким образом, предъявляя совместно неотложные требования, а также проявляя быстро и решительно свои единство и солидарность, рабочие добились удовлетворения многих своих требований без затяжной борьбы. В других случаях приходилось прибегать к помощи забастовок и в местах производства. При помощи таких упорных попыток под знаменем И. Р. М.,

поддержанных энергичной классовой пропагандой, бродячие рабочие добились возможности работать и жить в условиях похожих на человеческие в таких местах, где раньше с ними обращались хуже, чем с подневольными рабами средних веков.

8-МИ ЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ И „ПРОЖИТОЧНЫЙ ЗАРАБОТОК“.

Только при помощи неоднократного предъявления этих неотложных требований рабочим в лесной индустрии и на строительных работах удалось в конце концов добраться до такого пункта, где они могли то там то здесь вести борьбу за 8-ми час. рабочий день и за „прожиточный заработок“, чем бы этот заработок в действительности не был.

Только доказательство того, что рабочие при помощи своей организованной силы могут улучшить свое положение и добиться удовлетворения своих требований, и можно объяснить распространение влияния И. Р. М. на тружеников; это влияние углубляется и усиливается из года в год, несмотря на явных и тайных врагов организации. Это влияние углубляется в индустриях уже частично организованных, как-то: сельскохозяйственной, лесной, рудниковой, строительной и морского транспорта и расширяется на новые или новые только отчасти, как-то: мясную, нефтяную, угольную, железнодорожную сталелитейную и т. д.

Неотложные требования за улучшение условий, сокращение часов труда и увеличение зарплат служат кличками призыва, при помощи которых мы пробуем сонливое сознание среднего рабочего и привлекаем его к действию заодно с нами, чтобы и он вел борьбу за учреждение лучших порядков на земле и создавал структуру нового общества.

И. Р. М. СЛЕДУЮТ ЗАКОНАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ.

Все в природе следует по линии наименьшего сопротивления и подчиняется тому основному закону, который в физике называется законом притяжения. Всякая попытка пойти против этого закона кончается только временной частичной и фиктивной победой.

Закон притяжения в применении к социологии становится законом экономической необходимости.

Экономическая необходимость при всяких определенных условиях дает направление ходу человечества в целом и личности, в частности, подобно тому, как сила притяжения в определенных условиях дает направление потоку воды, устремляющемуся с покрытых снегом горных высот к глубокому морю.

Человеческий прогресс состоит главным образом в открытии, истолковании и исследовании непреклонной воли природы. Только тогда, когда человеческие существа не в состоянии приспособить своих учреждений к экономической необходимости, возникает то, что мы называем социальным потрясением и мир оказывается в таком катастрофическом положении, в каком мы наблюдаем его теперь.

Экономическая необходимость требует теперь уничтожения частного владения и контроля над средствами производства и распределения и перенятия последних народом. Истолковывая закон экономической необходимости таким образом И. Р. М. стремятся об-

единить рабочих в юнионы, которые должны служить как главные органы производства и распределения, и мы рассчитываем в этом на помощь экономической необходимости, которая толкает рабочих входить в эти юнионы, и рассчитываем больше, чем на догмы и теории.

Всякая попытка рабочих построить свои организации на чем либо другом, кроме экономической необходимости, которая так сильно толкает нас в юнионы, рано или поздно должна закончиться неудачей, подобно тому, как это случается со всеми движениями политического социализма, построенными на догмах и теориях. Эти движения стремятся пересоздать общество сверху вниз в соответствии с программой, выражающей то или иное экономическое побуждение якобы лидеров рабочего класса в революции вместо экономического побуждения самих масс. Россия, Германия и Австрия являются ужасными примерами того, что случается с народами, когда они хотят обойти закон экономической необходимости. Поступать так — значит шутить с огнем природы, что влечет за собой самые ужасные последствия. Другие народы должны внять этому предостережению.

И. Р. М. с самого начала следовали закону экономической необходимости. *Неотложные требования* служат наглядным выражением этого закона экономической необходимости. Отчаянное сопротивление, на которое наталкиваются И. Р. М. — не дело природы, а дело рук человеческих. Оно исходит от тех, кто думает, что экономическую эволюцию можно остановить тюрьмами, штыками, догмами и теориями. Не может быть сомнения в том, кто будет победителем в конце концов.

До тех пор, пока И. Р. М. строят свои юнионы таким образом под давлением экономической необходимости, а не просто по капризу догм и теорий, они строят свою организацию на солидном фундаменте в соответствии с законами природы. Вот почему никто не может уничтожить или вырвать с корнем И. Р. М. в то время, когда полное уничтожение угрожает догматическим движениям, старающимся спасти свои теории приношением в жертву людей, и тред-юнионизму, который не в состоянии приспособиться к требованиям экономической необходимости.

РАЗУМ РАБОЧЕГО ДОСТИГАЕТСЯ ЧЕРЕЗ ЕГО ПУСТОЙ ЖЕЛУДОК.

По этой причине, *иде-бы не давило ярмо наемного рабства, предъявляйте повседневные требования об улучшении жизни.* Эти требования несомненно принесут вам гораздо больше пользы, чем бесконечная, часто лишняя, болтовня.

Когда вы возбуждаете повседневные экономические интересы рабочих, вы попадаете в цель и они идут вместе с вами в борьбе за повседневные требования. В повседневных требованиях вы можете слышать их собственный голос.

В девяти случаях из десяти (как указывают статистические данные по делу народного образования) ум рабочего не развит достаточно для того, чтобы он мог обнять революционное переустройство общества в мировом масштабе. Он, однако, постепенно поймет это позднее. Но первое обращение к его чувству солидар-

ности может быть более успешно, если оно будет сделано к желудку вместо интеллекта. Рабочие, рожденные с высшими идеалами и способные пожертвовать своими собственными экономическими интересами на благо всего общества, могут быть легко сосчитаны. Огромная же масса рабочих — „крайние материалисты“, движимые только под давлением экономической необходимости, и может только постепенно развить в себе сознание общественных идеалов. Но эти рабочие являются тем не менее материалом, из которого должно быть построено новое общество, если таковое общество вообще будет устроено.

ДОРОГА К ОСВОБОЖДЕНИЮ УСТЛАНА ПОВСЕДНЕВНЫМИ ТРЕБОВАНИЯМИ.

Эта статья написана главным образом для тех рабочих, которые желают сознательно и разумно стремиться к уничтожению наемного рабства.

Мы хотим указать на то, что закон экономической необходимости является таким существенным фактором в нашей жизни, что ни одна группа людей или политическая партия не может уничтожить наемного рабства устройством заговоров или выступлениями с целью захвата политических учреждений или правительственных зданий. Такие действия могут навязать только других хозяев, бюрократическую аристократию.

Мы надеемся, что теперь вы также ясно, как и мы можете видеть, что экономическая структура общества не может быть успешно пересоздана сверху вниз и что это может быть сделано только снизу вверх; иными словами — *освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих.* Мы также надеемся, что вы соглашаетесь теперь с нами, когда мы говорим, что рабочие могут прогнать лентяев и получить действительное владение и контроль над мировыми богатствами только начиная снизу, т. е. *организуясь в местах производства*, предъявлением одного повседневного требования за другим, и, следовательно, *в ростанием в контроль над индустриями* с одновременным сбрасыванием контроля лентяев, подобно тому человеку, который покорял необитаемые леса, прогонял зверя и *врос* в действительный полный контроль над каждым футом земли своим трудом. Это — органический социальный рост, отличающийся во многом от простого случайного завоевания. Человечество обязано труду рабочих тем, что люди могли прогнать тигра, медведя, а не политике или войне. Рабочие *будут* и теми людьми, которые вновь востанут в контроль над землею тем путем, какой намечен И. Р. М., а не политики или солдаты.

Дорога к нашему освобождению вымощена „повседневными требованиями“, а не „революционными фразами“ или политическими догмами. Действительный контроль над индустриями приобретается не посредством штыков в наших руках, а посредством знаний в нашей голове и разумным, организованным и координированным действием.

Ни на момент мы не должны забывать нашей конечной цели — *учреждения свободы равенства и братства* на месте современного отжившего капиталистического строя, но повседневные требования, удовлетворения которых рабочие добиваются успешной борьбой, служат цементом, скрепляющим нас вместе в

ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ РАБОЧИЕ МИРА В 1924 ГОДУ.

юнионах и тем создают зародыш, структуру нового общества. Кроме того, достигаемый таким образом контроль служит для нас школой того, как управлять делами мира, что также очень необходимо.

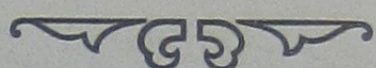
ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ.

В этой статье мы разделили повседневные требования на три группы — заработки, часы труда и другие условия работы. Мы говорили о них только обобщающе. Когда же дело доходит до практических действий, изложенных здесь только вкратце, рабочие каждой индустрии должны вырабатывать свои собственные требования. Это должно быть делом различных индустриальных юнионов или их отделов.

Рабочие, объединяйтесь вместе и пусть будет услышан ваш голос! Выработывайте ряд повседневных неотложных требований и предъявляйте их хозяевам. Пользуйтесь каждым удобным моментом представляющимся вам таким образом для привлечения товарищей-рабочих в индустриальные юнионы с тем, чтобы они имели силу, могли навязывать свои требования хозяевам, а потом предъявлять новые. На другом конце этой линии действий лежит уничтожение наемного рабства и новое свободное общество.

Идите к хозяевам с бесконечным рядом неотложных требований.

Ведите борьбу против них.

Синдикализм и воспитание

Н. К. ЛЕБЕДЕВ.

Истинный прогресс заключается в завоевании хлеба и просвещения для всех.

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

После вопроса о хлебе, понимая этот вопрос в широком смысле — удовлетворения всех насущных материальных потребностей человека, — вопрос о воспитании, вопрос о развитии духовных способностей человека, является наиболее важным.

Вопрос воспитания, т. е. развития в человеке всех его способностей, как физических, так и умственных, и моральных — есть вопрос величайшей важности и не только лично для самого человека, но и для общества, в котором он живет, и для того класса, к которому он принадлежит.

Правильная постановка вопроса о воспитании и его разрешение в особенности важны для трудящихся масс, ибо только благодаря тому, что властвующие классы с давних пор держат дело воспитания народа в своих руках, народные массы были у них в подчинении. Привилегированные сословия, составляя по отношению ко всему народу лишь незначительное меньшинство, тем не менее правили народом и эксплуатировали его, и это они могли делать только благодаря народному невежеству и темноте.

Знание — могучая сила, и только благодаря недостатку знания трудящиеся так долго переносили свое рабство, так как их духовная темнота служила помехой для того, чтобы рабочие могли осознать свою роль в социальной жизни и могли бы создать мощный и единый союз для свержения всякого гнета и всех видов эксплуатации.

В настоящее время трудящиеся мало по малу начинают понимать все великое значение просвещения и воспитания и во многих странах рабочие, наряду с своими организациями для экономической борьбы, создают и организации для своего духовного освобождения.

В наше время пролетариат стремится добиться не только своего экономического и социального освобождения, но и умственного, так как он хочет стать активным агентом прогресса, а не желает больше представлять простой винтик в сложном механизме со-

временного общества. Рабочие начинают сознавать свою роль в социально-экономической жизни и хотят сами стать организаторами производства, в котором они выполняют главную роль. Сознательные пролетарии понимают, что для этого рабочий класс должен усвоить и понять весь производственный процесс и изучить все те физические и социальные явления, из которых ткется пестрая и живая ткань современной жизни.

Прежде других эту истину поняли французские рабочие синдикалисты, которые первые поставили на очередь вопрос о техническом образовании и трудовом воспитании пролетариата. Синдикализм, являясь не только практикой рабочей борьбы за экономическое освобождение, но и коллективной теорией борющегося пролетариата, давно уже поставил в свою программу вопрос о воспитании и рабочие синдикалисты во многих странах стремятся посылать разрешать этот вопрос. Верные своей революционной тактике *прямого действия*, рабочие синдикалисты и в вопросах воспитания и просвещения идут своим путем, организуя и устраивая своими собственными силами свои рабочие „Университеты Труда“, „Народные Дома“ и „Трудовые школы“. За последние годы профессиональные рабочие союзы во многих странах все больше и больше начинают уделять внимания вопросам воспитания и образования своих членов, организуя для этого не только курсы, школы и лекции, но и обсуждая самые методы воспитания, и переоценивая, с своей пролетарской точки зрения, существующие педагогические системы.

На этом пути своего духовного самоосвобождения трудящимся приходится вести, как и в области экономической, тяжелую борьбу. Властвующие классы с давних пор понимали, что знание — могучая сила и что только держа народ в темноте и невежестве — можно им управлять. Вот почему все властители, начиная с древних египетских жрецов и кончая жрецами современной буржуазной науки и современными правителями, упорно охраняли от народа знание и науку, и делали их доступными лишь для немногих избранных.

В средние века дело воспитания находилось в

руках Церкви и ее представителей — монахов и попов; в новое время, когда на арене исторической жизни стала играть первенствующую роль гражданская государственная власть, дело народного образования перешло из рук попов и монахов в руки светского правительства. Государственная власть сделала народное образование и воспитание своей монополией и по этому пути шли и идут до сего времени все правительства в мире.

Не существует нигде в мире полной свободы воспитания и просвещения, и даже советское социалистическое правительство..... взяло в свои руки все дело народного просвещения и образования.

Однако, всякий действительно сознательный рабочий должен задать себе вопрос: — не представляет ли государственная монополия воспитания и образования, даже в рабоче-крестьянском социалистическом государстве, большой опасности, как для каждого отдельного индивида, так и для всего общества?

На самом деле, какова *настоящая* цель действительного воспитания? Это — *гармоническое* развитие *всех* способностей человека, как *физических*, так и *умственных и моральных*, для того, чтобы человек мог потом проявить их во всей силе на пользу себе и своих ближних.

Может ли выполнить эту задачу правительственная школа, даже в социалистическом государстве?

На этот вопрос мы прямо и категорически отвечаем, — нет, не может. И вот почему. Во-первых, всякая государственная власть неизбежно должна ставить главной задачей школы не развитие *всех* способностей человека, а выполнение государственных целей воспитания народных масс в том направлении, в каком желательно это для данного правительства. Во-вторых, даже если бы и нашлась в мире какая-либо государственная власть, искренно пожелавшая выполнить основную цель воспитания — свободное и гармоническое развитие в человеке всех его способностей, то и она не могла бы сделать это, так как всякая система правительственного воспитания, даже социалистического, неизбежно будет страдать *догматизмом* и *авторитаризмом*, которые не дадут возможности свободно развиваться в ребенке всем его способностям и склонностям.

На самом деле, возьмем для примера современную русскую советскую, так называемую, „трудовую школу“; разве здесь принцип свободы существует? Разве мы не видим в этой школе вместо прежнего догматизма новый догматизм, налагающий свои цепи на душу и ум ребенка? Разве старые боги не заменены в социалистической школе новыми?

Из русской школы изгнали культ церковного бога и вынесли портреты царя; но, разве вместо них не повесили изображения, Карла Маркса, писания которого признаются непогрешимыми? Разве современное преподавание в рабочих и социалистических университетах и академиях не носит узко догматический характер?

Нужно прямо сказать, что система современного советского преподавания не развивает, а глушит критическую мысль человека, атрофирует способность

свободного мышления и надевает на ум человека своего рода шоры.

Ребенку или взрослому человеку внушается то, что государственная власть признает хорошим, истинным, полезным и необходимым. Принципы государственного социалистического воспитания народа неизбежно должны быть те же самые, что и в буржуазном государстве: *развитие в человеке послушания, уважения авторитетов*, если не небесных, то „научно-социалистических“, а эти принципы способствуют формированию *человека-раба*, а не свободной личности.

Здесь еще следует указать на одну отрицательную черту всякого государственного воспитания — это *полную некомпетентность* государственной власти в области воспитания. Государственная система воспитания проводится в жизнь многочисленной армией учителей-чиновников, большая часть которых не задается вопросами о задачах и целях воспитания, а слепо старается выполнять предписания сверху. Если же немногие, наиболее честные и сознательные учителя и захотят внести в школу живой дух, то вскоре вся их энергия и усилия разобьются о тысячи различных препятствий и сотни формальностей.

Несостоятельность государственной власти в деле организации воспитания с полной очевидностью проявилась у нас при советском строе. Это признают и сами представители советской власти, так, например, Троцкий на январском заседании (в 1920 г.) фракции Всерос. Сов. Профсоюзов сказал: „факт таков, что независимо от общих успехов или неудач Наркомпроса в области народного просвещения, приходится сказать, что в области обучения мы то, что было создано капитализмом разрушили, и ничего нового не создали“.

Советская трудовая школа совершенно бессильна выполнить свою главную задачу — подготовку ребенка к трудовой жизни. Трудовое воспитание в Советской Республике так же далеко стоит от действительного труда и жизни, как и прежде „образования“.

Ни в какой другой области жизнь не показала так ярко, как в деле народного образования, ту истину, что *без свободы нет истинного творчества*, что без проявления свободной инициативы самое революционное дело неизбежно гложет и гибнет под гнетом рутины и бюрократизма.

Вот почему всем русским сознательным пролетариям, а, главным образом, профессионально-производственным союзам необходимо, если они хотят достичь действительного освобождения, поставить на разрешение вопрос о воспитании, более отвечающем потребностям трудящихся. Нужно понять всем трудящимся, что рабочему народу следует добиваться не *огосударствления школы*, а *полной свободы воспитания и просвещения*. Пролетариату самому следует заботиться о своем умственном и духовном освобождении.

Трудящимся необходимо понять, что они не добьются своего полного освобождения и не создадут новой цивилизации, более справедливой и свободной, чем буржуазно-капиталистическая, если они не пере-

воспитают самих себя, а сделать это они смогут не при помощи государственной власти, а сами, помимо всякой власти, ибо только в этом случае трудящиеся могут получить те знания, ту науку, которые, действительно, могут развить их физические силы, освободить их разум и совесть от всех догм и авторитетов.

Какая же школа и какая наука нужны трудящемуся народу?

Народу нужна, прежде всего, действительная, настоящая трудовая школа. Основой воспитания должно быть развитие физических сил и способностей человека и техническое образование в широком смысле этого слова. Школа должна быть подготовкой будущего работника и должна приучить его владеть в совершенстве теми орудиями труда, к которому ученик почувствует склонность и влечение.

Наша эпоха — эпоха, преимущественно, индустриально-техническая и поэтому все воспитание должно носить индустриально-технический характер. Современные заводы и фабрики являются центрами, где создается все, что требуется для жизни человека. Здесь получают осуществление замыслы творческой мысли человека, здесь разнообразные машины, послушные движению руки и мозга человека, неустанно ткут сложную ткань современной культуры.

Понимает ли средний рабочий, живущий в этом мире чудес, созданных творческой фантазией людей, всю связную систему современности? Нет, он блуждает в этом мире как в лесу. Задачей нового воспитания и должно быть создание технически-образованного, научно-мыслящего, работника.

Параллельно с физическим и техническим воспитанием человека должно идти и развитие его умственных сил и моральных качеств. В ученике-ребенке необходимо развить и воспитать все чувства и силы его души, чтобы он стал впоследствии активным строителем жизни и умел бы широко воспринимать все проявления жизненного потока.

Здесь мы еще раз повторяем, что в области общего образования следует избегать всякого фетишизма и догматизма, не только социалистического, но даже и анархического и синдикалистского. Ребенку не нужно навязывать никаких теорий и не нужно говорить ему, что эти идеи истинны, а эти — ложны. Впоследствии он сам разберется во всем идейном богатстве и сам составит себе свое мировоззрение, сообразное темпераменту, духовным способностям и склонностям.

Задача воспитателей заключается только в том, чтобы организовать, действительно, свободное и реальное воспитание, освобожденное от всяких политических и метафизических фетишей, дающее будущему производителю точные понятия о его положении в обществе и его роли в производстве.

В области так-называемого „высшего образования“ нужно также полное пересоздание не только методов преподавания, но и самих научных дисциплин. Трудящимся нужна не буржуазная псевдонаука и не „экономическая метафизика“ так называемого „научного социализма“, а наука настоящая, реалистическая, не вымышленная и не подогнанная под те или иные теории какой-либо политической партии.

Технические и естественные науки, география (со-

циальная и экономическая), социальная экономия и социология — вот те науки, которые должны быть основными науками в новой системе высшего образования. Но и естественные науки должны быть реформированы коренным образом. Разве большинство современных ученых естествоиспытателей не посвящают целые томы исследованиям о том, сколько имели, например, копыт или пальцев те или иные животные, жившие в давно минувшие геологические эпохи, игнорируя в то же время самые насущные вопросы земледельческой химии, биологии и сельскохозяйственной зоологии и зоотехники и т. д. и т. д.

Естественные науки должны изучать, главным образом, самого человека и окружающий его мир. Эти науки должны указывать какие нужны условия для того, чтобы человек родился здоровым и вырос сильным и всесторонне развитым существом.

Кроме того, естественные науки должны служить основой профессионально-производственного образования. Они должны научить человека понимать тот материал, который он обрабатывает, и ясно отдавать себе отчет в том, что все в природе находится во взаимной связи и является лишь частью единого мироздания.

Большое место в системе трудового воспитания и образования должны занимать, как мы уже указали, науки о технике и механике, как науки помогающие человеку покорять силы природы и направлять их на благо человечества. Наука должна показать рабочему и крестьянину так сказать душу техники, осветить главнейшие законы, управляющие процессами добычания и обработки материалов, движением машин, и познакомить их с историей развития технических познаний.

Вслед за этими науками должны идти науки социальные. В первых рядах этих наук нужно поставить, по нашему мнению, социальную и экономическую географию. География, являясь как бы синтезом естественных наук, должна служить в то же время основой для наук общественных. Социальная география, более всех других наук будет способствовать установлению братства на земле, показывая людям их естественное родство между собою, общность их верований, знаний и обычаев. География экономическая должна познакомить человека с экономическими богатствами земного шара и способствовать установлению на земле единого экономически-хозяйственного плана разработки и утилизации естественных богатств нашей планеты.

Наконец, социология и другие социальные науки, изучающие общество и человека, должны научить человека тому, как устроить на земле наиболее счастливую, свободную и справедливую жизнь.

Завершением всех перечисленных наук, их высшим синтезом должна явиться реальная философия, претворяющая элементы всех отдельных наук в единое общее мирозерцание, отвечающее на все великие и волнующие запросы человеческого духа.

Вот в самых кратких словах задачи обновленной свободной науки. Науки о мире, о человеке и обществе — вот необходимые науки для трудящихся.

Каким же путем могут достигнуть трудящиеся своего духовного освобождения?

Путь этот один. Как и в своей социально-экономической борьбе рабочий класс, если он желает добиться действительных результатов, а не только видимых, должен рассчитывать только на самого себя, а не на каких-то внешних героев-спасителей, так и в деле мо-

рального и умственного освобождения рабочий класс должен рассчитывать лишь на свои собственные силы.....

(Из сборника статей о Свободном Трудовом Воспитании.)

Азбука классовой барьбы

«Рабочий класс и класс хозяев не имеют между собою ничего общего. Не может быть мира до тех пор, пока голод и нужда царят среди миллионов рабочих, а немногие, составляющие класс хозяев, пользуются всеми благами жизни».

Справедливость этой декларации настолько самоочевидна, что ее может усмотреть каждый человек, не боящийся смотреть в лицо фактам. Как правило можно сказать, что отрицающие справедливость этого или сами лично заинтересованы в этом или же они повторяют рассуждения таковых. Серьезные и разумные люди, изучавшие взаимоотношения между рабочими, зависящими от работы в снискании себе средств к жизни, и классом хозяев, который распоряжается работой, от которой зависят рабочие, понимают, что эти два класса не имеют и не могут иметь ничего общего.

Наемные рабочие, вы и я, должны продавать свою рабочую силу хозяевам, делать то, что мы называем «приисканием работы». Таков наш путь снискания себе средств к жизни. Когда рабочий не имеет работы, он нуждается и терпит лишения. Это мы знаем из личного опыта, а не по-наслышке. Всякий рабочий, даже с умом пятилетнего ребенка, согласится, что это так и есть, что рабочий ничего не боится так сильно, как остаться без работы.

Интересы враждебны, а не тождественны.

Теперь, почему же собственно рабочие не могут работать все время, если только они этого хотят? Не потому ли, что владельцы фабрик, заводов и мастерских — класс хозяев — не позволяют им работать? Рабочие могут работать только тогда, когда хозяева позволяют им. По временам хозяева увольняют рабочих, а иногда они закрывают свои предприятия совершенно, выбрасывая сотни тысяч рабочих на улицу. Рабочие не хотят, чтобы их увольняли, но они бессильны в этом деле в настоящее время. Их интересы требуют непрерывного труда, но хозяева заявляют, что их интересы заставляют их сокращать или совершенно прекращать производство в индустриях.

Это — одно из условий, когда интересы класса хозяев и рабочего класса расходятся. В этом примере все то, что хорошо для хозяев, очень вредно для рабочих. Здесь возникает вражда их интересов и между ними нет ничего общего.

Но, когда рабочие заняты и имеют труд, — имеется ли тогда у них что-либо общее с хозяевами? Нет. Они не имеют ничего общего между собою все время.

Точки соприкосновения — точки конфликта.

Когда рабочий имеет труд, имеется три черты в связи с его работой, в которой он кровно заинтересован — его заработок, часы труда и условия, в которых он работает. Интересы рабочего относятся главным образом к этим трем чертам. Все другое связано с этими особенностями работы. Рабочий заинтересован прежде всего в размере заработка, в продолжительности рабочего дня и в условиях, при которых ему приходится работать.

Вопрос заработка — спорное дело.

Рабочий заинтересован в сумме заработка, так как последний определяет уровень его жизни; он заинтересован в часах труда и в условиях работы, так как они отражаются на его здоровье. Он стремится получить возможно больший заработок. Большинство забастовок, происходящих в индустрии, возникают на почве спора о зарплатах. Когда хозяин отказывается в удовлетворении требования о повышении зарплат, что и является фактом в большинстве случаев, рабочие объявляют забастовку, пытаясь тем самым побудить хозяина к удовлетворению требования. Когда хозяин пытается урезать зарплатки, рабочие бастуют, оказывая тем самым сопротивление. Не трудно, поэтому, видеть, что в вопросе о зарплатах хозяева и рабочие не имеют между собою ничего общего. То, что плохо для рабочих, выгодно и необходимо в хозяйских интересах.

Рабочий день.

В продолжительности рабочего дня мы имеем другой яркий пример враждебности интересов класса хозяев и рабочего класса. Рабочий вполне естественно скло-

няется к сокращению рабочего дня, а хозяин также естественно стремится удлинить его. Продолжительная борьба американских рабочих за сокращение рабочего дня, продолжавшегося от восхода и до заката солнца до его теперешних размеров только доказывает, что хозяева и рабочий класс не имеют между собою ничего общего в вопросе о рабочем дне.

Условия труда.

Рабочему не нравится, когда его погоняют при работе целый день и когда кто-либо стоит за его спиной все время, но хозяйские интересы требуют этого, а поэтому всякий предприниматель имеет управляющих и надсмотрщиков, следящих за тем, чтобы рабочие трудились прилежно каждый момент своего рабочего времени. Кроме того хозяин нанимает производственных экспертов и тем самым старается выжать как можно больше из рабочих. В этом отношении мы тоже не видим, чтобы хозяин и рабочий имели между собою что-либо общее.

Каждый рабочий прекрасно знает, что хозяин меньше всего заботится об обережении жизни трудящихся при работе, о том, чтобы они не остались калеками на всю жизнь; не лишились ноги или какого либо другого органа тела. Хозяева неохотно принимают предупредительные меры в этом направлении и делают это только в тех случаях, когда их к этому вынуждают сами рабочие. Какое дело хозяину, если рабочие умирают, становятся калеками и теряют свое здоровье. Страдают только рабочие, а не хозяин, когда анти-санитарные условия труда подрывают здоровье или машина калечит трудящихся. Страдают только рабочие и те, кто зависит от них, а эти последние, потеряв своих кормильцев, становятся еще более легкими жертвами для хозяйской эксплуатации. «Рабочий класс и класс хозяев не имеют между собою ничего общего» и никогда не будут иметь ничего общего, потому что экономический антагонизм присущ взаимоотношениям этих двух классов.

Что кажется и что существует на самом деле.

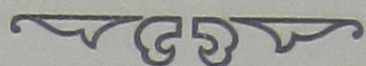
Говорят, что все люди должны жить и что только поэтому организация И. Р. М. заблуждается. И. Р. М. не отрицают, что все люди имеют право на жизнь; фактически целью И. Р. М. является установление таких социальных условий, при которых все люди могли бы пользоваться таким правом. Но право на жизнь не может существовать там, где не может быть

добыто право на обладание средствами к жизни, и рабочие в условиях теперешнего общества не имеют доступа к средствам жизни — к труду — за исключением тех случаев, когда хозяева позволяют им; поэтому трудящиеся не имеют права на жизнь. «Берет мою жизнь тот, кто владеет средствами к существованию».

Апологеты существующих взаимоотношений между наемным рабочим и хозяином заявляют, что рабочие не могли бы жить, если бы хозяева не нанимали их и тем предоставляли средства к жизни. На первый взгляд это кажется так, но на самом деле это не верно. В действительности сами хозяева не могли бы существовать, если бы они не могли нанимать рабочих. Каким образом могли бы жить не производящие хозяева, если бы рабочие не производили всего того, от чего зависит их жизнь? Не нужно особого ума, чтобы понять, что хозяева не могли бы существовать совсем, если бы они не могли жить за счет рабочих. Рабочие ни в коем случае не могут жить за счет хозяев, так как последние ничего не производят из всего того, что необходимо для жизни их самих или других людей. Если бы все богатства производимые нашими миллионерами и мультимиллионерами были выражены в форме хлеба, масла и мяса, то их не хватило бы на бутерброд для голодной канарейки. Если бы их можно было выразить в форме одежды, то миллионеры не могли бы прикрыть своего тела. Если бы эти богатства можно было выразить в форме жилища, то их не хватило бы для защиты стрекозы от непогоды. Если бы их можно было выразить путями сообщения, то богачи должны бы были ходить пешком и без сапог, кроме того. И все-же, хотя они и не производят пищи, миллионеры едят вдоволь и хорошо питаются; хотя они не прядут, не ткут и не шьют, богачи роскошно одеваются и имеют больше одежды, чем им в действительности нужно; хотя они не добывают камня и не строят домов, богачи живут в роскошных дворцах, имеют зимние резиденции и летние дачи, свои собственные поезда и яхты, автомобили и все другие удобства. Они имеют все это, не делая ничего для того, чтобы создать все это в то время, как сами рабочие, производящие все эти вещи, нуждаются в самом необходимом: в пище, одежде и жилище. Если собака и блоха, живущая у ней на спине, имеют общие интересы, рабочий класс и класс хозяев имеют тоже общие интересы. Если интересы рабочего производить для того, чтобы пользовались другие; если его интересы голо-

дать лишь бы другие жили в роскоши; если его интересы ходить голым для того, чтобы другие одевались комфортно и богато; если его интересы отказывать себе во всем лишь бы другие могли накапливать богатства, продукты его труда, если это — его интересы, то мы согласны сказать, что класс хозяев и класс рабочих имеют один общий интерес, а именно: рабочие должны производить, а хозяева должны потреблять. Но рабочие

не дают богачам средства к жизни добровольно; они дают им средства к жизни только под давлением, которого они не могут преодолеть в одиночку. Они ненавидят такие порядки, при которых они работают и во всем нуждаются, а богачи ничего не делают и имеют все вдоволь. Все большее и большее число рабочих начинает сознавать, что класс хозяев и класс рабочих не имеют ничего общего между собою и не могут иметь.

Пролетарская диктатура--это рабское учение

ПЬЕР БЕНАР.

Воздвигнутый на началах индивидуальной и коллективной свободы — синдикализм борется со всякого вида диктатурой, включая сюда и диктатуру, проводимую за счет пролетариата.

Далекий от сентиментализма; чуждый пустому, неосмысленному противоречию, не покоящемуся на серьезных доводах — синдикализм в своем стремлении свести на нет всякую диктатуру — опирается на определенной концепции мышления, им защищаемой и оправдываемой.

Итак, начнем. Прежде всего, что означает буквальный смысл формулы — «диктатура пролетариата»?

Формула эта, очевидно, гласит, что на следующий день после революции весь пролетариат наложит ярмо власти на весь коллектив, или, в лучшем случае — на всех тех, кто в до-революционное вчера не был в стане пролетариата. Этой формуле нельзя дать иного определения. Но всякий, желающий без предубеждения подойти к анализу ее, должен понять, что на практике она вырисовывается в совершенно ином свете. Маленькая группа людей, облеченная властью, или самовольно присвоившая ее себе, диктаторствует над пролетарскими массами, властвует именем их. Пролетариат не опрашивается ими. Он молчит. Их диктатура — воздвигнута не только над классом буржуазии вчерашнего дня, но и над всей пролетарской массой. Это — власть нескольких над всеми — ясно, понятно и нечего спорить об этом.

Несколько личностей в компании со своими лейтенантами распоряжается всем до-революционным аппаратом властвования, со всеми и всем понятными атрибутами его: армией, полицией, магистратурой; они окружены ревностно преданной им армией чиновников всех рангов и степеней, осевших на теплых местах. Принуждение растет; насилие разверты-

вает свои крылья, нет места ни взаимному пониманию, ни дискуссии, ни полезной инициативе. Одни — немногие — властвуют и приказывают; другие — громадное большинство — слушаются и выполняют...

Под предлогом удушения контр-революции и затыкания рта контр-революционерам издеваются над всем населением, убивают свободную мысль и революционное действие; схематизируют декретами, приказами, указами, наказами всю жизнь народа; намечают вперед границы своих достижений, не заботясь о мнении других. Одни дерзнули на это; другие пламенно стремятся к этому.

Ах, как требовательны эти люди, осмеливающиеся во имя спорного своего превосходства властвовать над коллективом, над громадной массой людской, равных им по развитию и одаренности, по знанию и по способностям!

Если они достаточно глупы, чтобы считать себя избранниками народа — это сполбеды еще и терпимо; но когда эти люди выявляют свою глупость, претендуя на власть над восстающим против них народом — это уж прямо невыносимо. Вот оно, то гнусное чувство, что должно быть вырвано с корнем из души человеческой, да из души всех этих вождей больших и маленьких; вот он софизм, который надо истребить, уничтожить!

Временная диктатура, говорят они, думая этим понятием успокоить народ и обрести его вотум на безграничное властвование. Хорош номер! Нет ничего временного; вернее — все временно — и люди, и вещи. Диктатура над пролетариатом, над всем народом в такой же мере временна, как и все человеческие институты (учреждения). И как всякое зло, как всякое орудие гнета, она — эта диктатура, может исчезнуть только вместе с

режимом, владычеству которого она служила.

Грядет революция и закабаленные силы народные сбросят правительство, касту, раздавят гнетущую власть. Так погибнут все режимы. Так гибли они и раньше. А диктатура пролетариата — способ управления государством, при котором пролетариат это ноль, ничто — пойдет по тому же пути — к гибели своей.

Диктатура пролетариата принуждает к безоговорочному выполнению всех указов, падающих свыше на народ. Никто не смеет спорить о целесообразности или полезности предписываемых мер.

Весь коллектив выдан на гнев и милость властников, мании величия диктаторов, полагающих, что все творимое ими безгрешно и неоспоримо, что в их умах — перлы абсолютного знания.

Диктатура пролетариата — это возможность для некоторых, немногих, избавиться от своих противников, умертвив их или бросив в темницу; это — возможность властвования нескольких, немногих над всем народом; это — реализация затаенной мечты всех тиранов во все времена: быть господином, господином господ. Кто бы они ни были: Нерон, Людовик XIV, Наполеон или Ленин — тиран остается тираном, диктатор всегда будет диктатором — а громадные массы народные всегда будут поработаны, закабалены.

Диктатура нужна для преодоления переходного периода, говорят нам порою. Нет и не может быть такой эпохи, такого переходного периода.

Есть две совершенно не похожие друг на друга эпохи: одна, современная нам — эпоха частной собственности — и другая, вводящая нас в иной социальный строй, несущая с собой коллективную собственность. Конец одной — начало другой. И нет у них общности, нет слияния эпох.

Они восстают друг против друга во всей резкости своих противоречий, и моста нельзя перекинуть через пропасть этих эпох. Нет и не будет периода полукapиталистического, полу-пролетарского. Эти две формы общественной жизни слишком антагонистичны, чтобы их яркая противоположность допустила их слияние хоть на один единственный миг.

Но ведь есть Россия — скажут другие, есть Россия, где государственный капитализм живет рядом с частным? Разумеется. Такое положение дел действительно существует в России — и это самое худшее, что могло там случиться. Ведь пролетарское государство, защищая одновременно и коллективную, и частную собственность, гарантирует развитие по-

следней. Оно — защитник обоих: и коллективной, и частной.

Отсюда и придет смерть российской революции в наикратчайший срок. Частный капитализм рано или поздно восторжествует над государственным.

И Ленин и Робеспьер свершили ту же ошибку. Их промах повлек за собою те же последствия. История повторяется.

Диктаторская система карает неимущих, ибо собственники и здесь если и не властители сами, то все же сподвижники власти.

Не жизненно это. Никто не узрит перед собой в этой системе равенственно-коллективной жизни, конечной цели революции.

Так свершилось все это потому что под углом зрения политики рассматривалась вся революция; экономика мало заботила российских диктаторов и лишь остановка всей экономической жизни заставила их в конечном счете взяться и за нее. Вот здесь то, в этой экономике, и призван синдикализм сыграть свою роль. Его место — на после-революционное завтра; он несет с собой активное творчество массе — творчество всех и каждого, всякого, создающего трудом рук своих — а ведь всякий должен быть занят полезным трудом... И лишь по производственному плану будет воистину реорганизована общественная жизнь. Частная собственность споет свою лебединую песнь. Смерть ее несет с собой экономическое равенство всех. Все будут творить для коллектива — а коллектив, через органы своего распределения гарантирует равную для всех, достаточную для каждого норму потребления.

Из всего сказанного ясно, что задача синдикализма — производство предметов, необходимых коллективу и их распределение в соответствии с нуждами его.

Вмещающая в себе все социальные силы, необходимые для выполнения обоих этих функций, синдикализму нет нужды в частной собственности, он прикончит с ней раз на всегда.

Верфи и мастерские, бюро и лаборатории, поля и фабрики дадут ему силу. Непосредственно избранные делегаты, могущие быть отозванными в любой день — будут ведать всем аппаратом социальной системы, призванной обеспечить социально-коллективное развитие.

Свои директивы делегаты получают от трудовых масс народа; их выполнение, их осуществление — блюдется волей народной; прямо или косвенно, через своих делегатов, им контролируемых, весь на-

род участвует в коммунальном управлении.

Готовый к обороне внешней и внутренней, стоящий на страже интересов общества, производитель всегда будет защищать коллективное добро от посяганий вчерашних собственников и их приспешников. Производственный союз — цельная социальная ячейка, организующая защиту; синдикализм действием своих институций, их силой и мощью гарантирует защиту революции до тех пор, пока этого будут требовать обстоятельства. Организованные рабочие и их делегаты должны на всегда остаться хозяевами своих предприятий, обладателями силы, достаточной для защиты внешней и внутренней революции. Технические руководители для производства и военной защиты должны быть взяты из их рядов; опыт прошедшей войны показал нам, что можно обойтись и без помощи профессионалистов военного дела — этой хищной банды, служащей и изменяющей всякому режиму сообразно своим интересам.

Глубоко обследовав и тщательно осветив все затронутое нами — можно сказать: 1) что внутренняя защита, т. е. защита средств производства и, следовательно, безопасность всего нового порядка — может быть обеспечена самими рабочими, действующими согласно решениям своих производственных союзов и всех ответственных учреждений Всеобщей Конфедерации Труда. 2) что для обеспечения внешней защиты производственные союзы и Всеоб. Конф. Труда должны располагать надежной силой и прочной вооруженной силой спорадически контролируемой производственными союзами и их общими собраниями.

Это должно иметь место, если хотят заранее парировать предательские удары изменников и обезопасить себя от угроз военной диктатуры.

Эта защитная сила, набранная исключительно из пролетарской среды, руководимая и контролируемая ими самими, часто обновляемая в своем составе, прекратит свое существование с момента упрочения революции, или с того часа, когда революция гигантским размахом своим даст мир всему миру.

Эта идея имеет ту выгоду, что ставит на должное место понятие об истинно-революционной защитной силе, которую ни на один миг нельзя смешивать с системой постоянных армий, где военные

вожди в удобную, намеченную заранее минуту, могут убить революцию и объявить свою диктатуру.

Сверх того, наша концепция безоговорочно осуждает милитаризм. Она предвидит его исчезновение с минуты минования контр-революционной опасности. Наша идея отрицает самым решительным образом пропаганду революции силой штыков или наступления ее решительного фазиса там, где условия еще не созрели и где нет места взрыву освободительного движения.

Вот ясно очерченная нить мышления, вот позиция, позволяющая нам избавиться от вмешательства других группировок, дающая нам возможность обойтись без всякой диктатуры, без пролетарского государства с оправдываемыми им методами порабощения.

В этой системе нет властвующей аристократии, есть лишь институции, творящие новый строй — строй, смело вступающий в бой со всеми реакционными силами, строй организующий и естественно развивающийся на основах здорового экономического и социального развития.

Бесповоротное уничтожение частной собственности, вполне естественная обязанность трудиться для всех, работать для своего пропитания — значительно облегчат задачу революционеров, черпающих свои силы из глубин народного движения, в котором берет участие вооруженная сила масс, приемлющих лишь авторитет своих синдикатов (производственных союзов). И так как ни на один миг не выявится необходимость диктатуры партии, именуемой «диктатурой пролетариата», так как государство рухнет в бездну и не найдет себе более оправдания в существовании частной собственности — то и не представится уж никакой необходимости ни в восстановлении диктатуры, ни в сохранении государства.

Во имя великого единения трудящихся надо отбросить диктатуру — эту неудачную попытку с негодными средствами, приемлемую лишь теми, кто охотно идет под чужим кнутом, кто дает себя закабалить.

Уничтожим софизм, дробящий пролетарские силы, сокрушим веру в избранников и идолов, оторвем пролетариев от гипноза власти; отшвырнем прочь эту нелепую идею диктатуры, губящую рабочее движение, дробящую его на соперничающие секты, отымающие у синдикализма его мощь, его силу, его энергию.

Немного о юдофобстве

Я. СТАРИК.

Вопрос о юдофобстве выплывает на поверхность периодически. Вижу и слышу, что вопрос этот разбирается на страницах рабочей печати. В русской колонии происходят оживленные дебаты на эту тему. Где начало юдофобского вопроса — не знаю. Когда ему будет конец, не берусь предугадывать. В былые времена рабоче-радикальная печать была определено против юдофобства. Также против юдофобства были массы революционно настроенных рабочих. Даже либералы были в оппозиции юдофобству. Теперь времена иные.

Юдофобство не только проникло, но и пустило глубокие корни среди сознательных рабочих. Если вы станете оспаривать сознательность этих юдофобов, то я с вами, пожалуй, соглашусь, но дело в том, что эти рабочие принадлежат к прогрессивным и радикальным организациям и, бия себя в грудь, заявляют, что они революционеры и стоят (сидят!) за установление новых коммунистических порядков.

В старину, бывало, юдофобы откровенно говорили «бей жидов» — просто и ясно. Теперь люди стали более культурными и менее откровенными. Они не говорят «бей жидов» — нет, они ведь радикалы! Они тонко проводят свою линию юдофобства, играя на больных струнках рабочих. Нельзя поиграть на религиозной струнке, поиграют на национальной, на анти-комиссарской, на какой угодно лишь бы унижить еврейскую нацию. И это им удается.

Я бы не стал касаться этого вопроса, если бы им не интересовались наши товарищи рабочие, ибо для меня вопрос о юдофобстве и т. п. вопросы давно решены вопросом **классовой борьбы**. Но беда в том, что многие рабочие забывают о классовой борьбе и я желаю напомнить им о таковой.

С точки зрения Индустриальных Рабочих Мира еврейского вопроса, как кое-чего целого, самостоятельного, не существует. Этот вопрос, как и женский вопрос, вопрос о милитаризме, негритянский вопрос и другие, всецело связан и решается вопросом классовой борьбы. Можете кричать: «Караул! материализм, марксизм и т. д.». Но только поставивши вопрос на правильную плоскость мы можем придти к правильному решению.

Признав, что «между классом эксплуататоров и классом эксплуатируемых нет

общих интересов», мы и делим общество на классы не по нациям, расам и другим признакам, а по их экономическому положению. Мы поставили в свою программу, что все наемные рабочие принимаются в организацию и являются нашими соратниками без различия их языка, цвета кожи, религии, пола, возраста и национальности.

Разбираться в этом вопросе не приходится иначе, как с точки зрения классовой борьбы. Об этом, однако, забывают некоторые наши товарищи рабочие. Раз только мы теряем почву классовой борьбы, мы можем любой вопрос дискутировать бесконечно и в конце концов будем оставаться на том месте, с которого мы начали.

Между радикалами, не говоря уже об «обыкновенных» смертных, имеются лица не любящие евреев, негров, китайцев, индусов, поляков, русских и т. д. Эта неприязнь имеет разные мотивы; я бы сказал, что имеет за собой безмотивность. Каковы бы ни были причины этой неприязни, все же нельзя отрицать факта ее существования. Эта неприязнь, если бы она не высказывалась, то никакого вреда не причиняла бы. Но дело в том, что неприязнь высказывается открыто и пускает корни. Изжить личную неприязнь трудно, но остановить ее распространение можно, освещая вопрос с классовой точки зрения.

Дело в том, что человеческий язык так эластичен, что какую бы позицию ни занял человек, он сумеет найти достаточно аргументов для защиты ее и запутать вопрос. Печатный станок выдерживает всякую ерунду и любое изложение выходит в печатном виде.

Мы пришли к заключению, что рабочий класс является тем классом, задача которого уничтожить капиталистическую систему. В нашем рабочем классе имеются **рабочие** всех национальностей, всех цветов кожи, всех религий. Мы знаем, что до тех пор, пока среди рабочих будет продолжаться расовая, национальная и религиозная борьба, их освобождение не может осуществиться. Внутриклассовая борьба является тормозом освобождения.

Вопрос ставится просто и ясно:

Заинтересованы ли мы в том, чтобы внутриклассовые разногласия продолжались и тормозили бы объединение рабочих, или мы заинтересованы в обратном?

Если вы намерены тормозить классовую борьбу, то у вас имеется широкое поле вести анти-семитскую, анти-негритянскую и любую пропаганду, идущую вразрез с интересами класса рабочих. Но те, кто заинтересованы в прогрессе классовой борьбы, должны заклеить позором рабочих, выступающих с походом против нации или расы.

Для стоящих на классовой точке зрения рабочих совершенно безразлично какой процент эксплуататоров среди евреев, немцев или японцев. Для нас не важно какой процент криминалов среди негров. Для нас не важно среди какой нации более развиты инстинкты наживы, инстинкты властолюбия.

Для нас важны рабочие каждой нации и расы, и с таковыми мы имеем дело как с нашими соратниками. Эксплуататоры всех наций являются нашими врагами и мы с ними должны бороться до тех пор, пока орудия производства не будут взяты в свои руки рабочим классом.

Таким образом отпадают все аргументы обвинения какой-нибудь нации за поступки отдельных индивидов, группы индивидов, безразлично как велика она.

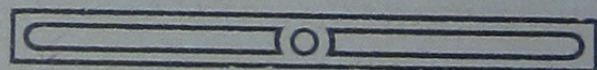
Жандармов, шпииков, провокаторов, всяких чиновников угнетателей мы относим к классу эксплуататоров, как их верных слуг, хотя бы они и были из нашего класса. Таким образом вопрос о комиссарах-евреях, комиссарах-татарах, которым так

заинтересованы многие русские в Америке и под флагом которого ведется юдофобская пропаганда — отпадает.

Такие лица как комиссары-евреи, не должны рассматриваться как евреи, а как враги рабочего класса. Если бы так заинтересованные вопросом о комиссарах-евреях более широко смотрели на вопрос, то они его просто и решили бы. Если институт комиссаров создан и поддерживается для угнетения рабочего класса, то он и должен быть заклеен как целое. Если имеются отдельные комиссары отличившиеся особенной жестокостью, то таковые и должны быть выделены как современные инквизиторы, **независимо** принадлежности их к той или иной национальности.

Когда вы организуетесь, вы призываете **всех** рабочих; когда вы бастуете вы желаете, чтобы в забастовке приняли участие **все** рабочие; когда вы выходите на баррикады, вы хотите, чтобы на вашей стороне были **все** рабочие; когда вы говорите о строении нового лучшего мира, то вы заявляете, что вы строите его для **всех** рабочих.

Так будьте же последовательны. Бросьте ваши дразги о еврействе, не тратьте вашего драгоценного времени на вредную внутриклассовую борьбу, а направьте свои силы на борьбу против наших общих врагов — эксплуататоров рабочих **всех наций и всех рас**.

Идеи и их осуществление

В. БУЛЫЖНИК.

„Вера без дел мертва есть“

Существует поговорка, что «лучше иметь какую-либо идею, нежели не иметь никакой».

Пусть будет так. Я не намерен защищать или опровергать это, а скажу несколько слов о том, что ни одна идея, никакой идеал не достаточны сами по себе. Я нахожу, то об этом следует основательно толковать всегда и в особенности в настоящий момент, который можно назвать моментом замешательства в понимании уже до известной степени обоснованных идей, измышления добавок к ним и тому подобное.

В идеях недостатка нет. Их имеется вдоволь — хороших и скверных. Всякая идея имеет своих последователей, далеко не всегда понимающих ее одинаково. Быть может различие в понятии идей и хорошо, но беда, выражающаяся в антагонизме среди последователей, в таком случае

неизбежна. Такие осложнения часто наносят на долго неизлечимый ущерб движению, вокруг идеи которого идут споры.

Доказывают, что идея христианства, в своем первоначальном основании, была приемлема для передовых людей, в смысле прогресса, того времени. Об этом, однако, многие говорят иначе в наш век, когда эту идею безжалостно раскромсали на куски, а большинство ее официальных и прочих представителей запятнаны человеческой кровью. Особенно порочат христианство в наше время те, которые во имя его проповедуют людям терпение и повиновение когда их насиляют, угнетают и убивают. И это делается несмотря на то, что в учении христиан говорится о любви ближнего своего, и «не убий». Разве это не искажение оригинальной идеи? В действительности так оно и есть. Все же находится не мало

так называемых защитников христианства, которые, выставляя на показ поруганные остатки идеи, стараются уверить нас, что это всамделешний оригинал.

Но со времени начала христианства проходит вторая тысяча лет. За это время все изменилось, как люди так и общественные и социальные условия. Всплыли на поверхность и новые идеи, новые учения более интересующие трудовой элемент общества, чем старые. Для пролетариата, например, являются злободневными вопросами такие движения, как государственно-политическое, будь оно желто-социалистической или красно-большевистской окраски; анархо-коммунистическое, анархо-синдикалистское и, наконец, движение революционного индустриально-юнионизма.

Теоретическое изложение всякой идеи всегда звучит хорошо. Обоснователи, а в особенности популяризаторы идей не скупятся на подбор красивых слов. Возьмите любые издания вышеупомянутых идейных группировок и вы найдете каждое хорошим по своему. Но не в теоретической красоте сокрыта сущность идеи. Что это так, видно на примерах практической жизни.

Еще недавно идеология большевиков, этих профессиональных инсинуаторов коммунизма, занимала умы рабочих и многие верили, хотя наивно, что в России партия большевиков ведет борьбу за свободный, идеальный общественный строй. Но это было вначале, когда большевиков ценили по их громогласным гозунгам и когда многие из большевиков сами не знали кто они, и что они. Когда же мало по малу начали выясняться результаты их деятельности, вскрывшие действительную сущность большевиков, как государственников-политиков, жаждущих власти и страстно стремящихся к ней, и только к ней, — тогда стало ясно на что сошла вся их идея. Она стала такой, какой ее осуществили обезумевшие от власти пройдохи-комиссары.

В настоящее время большевистское устройство общественной жизни также далеко от коммунизма, как наша планета от Марса, а их политическая свобода для широких рабочих и крестьянских масс представляет ничто иное, как свободу льва в железной клетке. Это очевидно для всех здравомыслящих людей. Не видят этого только те, кто не хочет видеть и те, которые не верят ни своему собственному зрению, ни рассудку, а слепо идут по стопам одурманивших их лидеров и рабски повторяют ими сказанное.

Но что же может стать с идеями анархо-коммунистов, анархо-синдикалистов и революционных индустриалистов? Ведь эти идеи находятся лишь в периоде пропаганды и их применение на практике настолько ничтожно, что считать их негодными с **практической точки зрения** преждевременно.

Каждая из них имеет своих последователей, которые, главным образом, базируют пропаганду исходя из теоретических соображений. И анархо-коммунисты, и анархо-синдикалисты, и революционные индустриалисты внушают рабочим, что их идеи принесут действительную свободу и прогресс всему человечеству, когда будут проведены в жизнь.

В настоящее время не только трудно, а даже невозможно опровергнуть теоретические обоснования, которые еще не провалились в практическом применении к жизни. Но по причине, что имеются очевидные расхождения в теории трех вышеупомянутых идейных группировок, сами по себе возникли на этой почве и разногласия, споры о правоте. Обыкновенно принято считать, что победителями в дискуссиях подобных идейных вопросов бывают те, которые обладают более острым пером или хлестким языком, и за которыми чередуется больше восхищенных последователей. В действительности тут никто никого не побеждает. Результат бывает почти всегда одинаков: шум утихает, а замешанные в дискуссии личности уgomоняются на время; что же касается самых идеологических обоснований, так какими они были, такими и остаются, ибо сама жизнь еще не сказала о них своего заключительного слова. Однако удивляться идейному спору не приходится. Это естественное явление среди людей. Оно предшествовало нам, будет и после нас. Нежелательны, даже вредны, только такие направления в идейных разногласиях, которые неизбежно ведут к замешательству понятий, часто умышленному искажению идеи своего оппонента, в результате чего даже среди последователей одной идеи образовывается трещина, получается раздвоение и расстройство. Но это еще полбеда. Хуже всего то, что тут уже и разочарование находит себе почву, которое толкает к бездеятельности, т. е. убивает идеальные зачатки у большинства новых товарищей.

Я расхожусь в вопросах практической борьбы выдвигаемой анархо-коммунистами, но что касается их теории о будущем обществе, так против нее ничего не имею и рад был бы видеть осуществленной в жизни. Являясь же сторонником амери-

канского революционного индустриализма, а также европейского анархо-синдикализма и разделяя их взгляды на тактику и методы борьбы, я ни на минуту не сомневаюсь, что наша идея строения будущего свободного общежития, теперь обоснованная в теории, даст возможность жить всем по-человечески, когда будет осуществлена в жизни без искажений.

Итак, следует ли нам тревожиться за будущность идей, теоретическое обоснование которых сулит действительно свободный строй общества? Не исковеркаются ли наши идеи подобно христианству и другим? Ведь процесс революции, коренная ломка старого и строение нового, представляет довольно тяжелый путь испытания. Мало ли нам предстоит преодолеть трудностей в борьбе?

Да, все это так, но людям стремящимся к свободе, нечего тревожиться за будущность своей идеи. Для ее победы не нужны хитрости, не нужна дипломатия, а требуется искренность, как можно больше любви к свободе; нужно знание и преданность делу не с целью личных благ, а общественных. Нужно понимание той истины, что блага общества, блага нашего класса неразрывны с нашими личны-

ми благами; что, работая для блага нашего класса и всего общества, мы работаем для нашего собственного блага.

О будущности идей свободного общества нам нечего беспокоиться. Это не наша цель, не наша задача. Это будет делом тех, которые придут нам на смену. Перед нами всегда стоит ребром вопрос настоящего. Об этом нам и должно заботиться, принимать подходящие способы и мобилизовать все наши силы для расширения пропаганды наших идей вширь и вглубь, для организации широких масс тружеников в современные революционные индустриальные союзы, от которых и зависит вся будущность.

Главная наша деятельность на идеальном поприще состоит в том, чтобы планомерно, по возможности шире вести подготовительную работу, а не в бесконечных разговорах о том, что станет с анархизмом, синдикализмом и индустриализмом через несколько лет.

Наша идея индустриального коммунизма, а также и другие учения свободной жизни, в осуществлении будут такими, какими они будут проведены в жизнь, ибо свобода зависит не от идей оформленных в теории, а от **уменья людей про- вести их в жизнь.**

Билл огорчает своего хозяина ЛЛОЙД ЭММОНС.

Мистер Рич, богатый лесопромышленник, решил посетить одну из своих лесных вырубок, на которой он не показывался уже несколько недель, так как разные важные дела не позволяли ему съездить туда. Немало хлопот наделали ему, например, приготовления к зимней поездке в Калифорнию, которую обязательно надо было предпринять его жене и детям. Доктор объявил, что нервы мистрес Рич настолько расстроены, что только довольно продолжительное пребывание в благодатном климате Калифорнии могло бы восстановить ее расшатанное здоровье. Да и не мудрено, что мистрес Рич чувствовала себя страшно переутомленной и все время нервничала. На ней лежало столько тяжелых обязанностей, что удивительно, как она еще вообще была жива: балы, посещение оперы, клуба, благотворительных базаров, визиты, прием гостей, заботы о необходимых для всего этого туалетах, распекание прислуги — да всего и не перечислить. У нея буквально не было ни одной минуты свободного времени. Обыкновенно ей некогда было

даже поговорить хоть пять минут с мужем и осведомиться о том, чем занимаются дети. О детях мистрес Рич, впрочем, не беспокоилась: они находились на попечении у гувернантки, девицы опытной, побывавшей почти во всех столичных городах Европы, знавшей чуть ли не полдюжины иностранных языков и очень недурно игравшей на пианоле и на мандолине.

Кроме хлопот, сопряженных с отъездом в Калифорнию жены и детей, у мистера Рич были и разные другие заботы, не позволявшие ему часто показываться на вырубках. Ему пришлось, например, бывать на заседаниях съезда Ассоциации Лесопромышленников, где обсуждались разные очень важные вопросы. На последнем заседании, долго рассуждали о том, как быть, если И. Р. М. весной вздумают устроить забастовку лесных рабочих, о чем ходили упорные слухи. Решили, не дожидаясь забастовки, рассчитать часть рабочих, чтобы к тому времени, как начнется забастовка, было бы уже много голодных безработных, гото-

вых стать штрейкбрехерами, лишь бы заработать хоть что-нибудь на хлеб.

Приехав на вырубку на своем новом, шикарном автомобиле, мистер Рич тотчас же наткнулся на одного рабочего, по имени Билл, лицо которого он помнил и которого считал толковым малым и хорошим работником. Мистер Рич решил поговорить с ним, так как считал, что хозяину надо заботиться о том, чтобы быть популярным среди рабочих. Кстати он хотел подостеречь Билля относительно козней И. Р. М., мысль о которых не покидала его после того, как он побывал на съезде членов Ассоциации лесопромышленников.

Окликнув Билля и спросив его, как поживают его жена и ребятишки в Сиаттле, мистер Рич, не давши Биллю открыть рта, сразу перешел к обсуждению всего более интересовавшей его темы.

«Пслушай-ка, Билл — сказал он — ты уже давно работаешь на этой вырубке и наверно наталкивался на этих проклятых «воббли» и слышал, что они поговаривают о том, что весной не мешало бы устроить забастовку. А ты, как малый не глупый, должен понимать, что когда дела идут хорошо у меня, то и тебе хорошо живется. Ну, а если эти «воббли» заставят рабочих прекратить работу, то мне уже нельзя будет содержать свою семью так, как полагается, т. е. снабжать жену и детей всем тем, к чему они привыкли. А про твою семью уж и говорить нечего — ей тогда совсем плохо придется, так как и ее я не в состоянии буду содержать. Но я рассчитываю на таких дельных работников, как ты. **Мы с вами** не позволим этим бессовестным агитаторам устроить так, чтобы на вырубке прекратилась работа. **Мы** им покажем, как устраивать забастовки, и хорошо посмеемся над ними, когда им придется покинуть **нашу** вырубку, не солоно хлебавши. И еще вот что.....

«Постойте, постойте — прервал хозяин Билл. — Вы это правильно говорите, что я уже давно работаю здесь, и я прекрасно знаю, что без работы мне плохо придется. Да вот беда: и на работе не многим лучше. Заработок мал, пища плохая, да еще постоянно ругают тебя то за одно, то за другое. Когда не работаешь, то хоть этой ругани не слышишь, и никто тебя не понукает. А на счет этих самых «воббли» я вам вот что скажу: они вовсе не **поговаривают** о том, что не мешало бы устроить забастовку, а очень даже **определенно говорят**, что будут бастовать и что будет еще не одна заба-

ставка. Они твердо решили, что забастовка за забастовкой будет устраиваться до тех пор, пока вы, хозяева, не распорядитесь, чтобы выпустили из тюрем наших товарищей, засажённых туда за то, что они объясняли рабочим, что они совершенно беспомощны, пока не организованы; что только хорошенько организовавшись они будут в состоянии избавиться от эксплуатирующих их бездельников.

«Воббли» решили, что лесные рабочие должны добиться лучшей оплаты труда, более короткого рабочего дня и лучших условий жизни на вырубках. Но это еще не все. Когда «воббли» добьются всего этого, то они все же будут продолжать устраивать забастовки до тех пор, пока не будет упразднена совершенно система наемного труда, пока не будет стерто с лица земли наемное рабство».

При этих словах Билля лицо мистера Рича выразило ужас. Он был совершенно озадачен той неожиданной смелостью (он назвал ее мысленно «дерзостью»), которую проявил Билл, и, не находя сразу веских возражений, решил дать Биллю высказаться до конца.

«Кстати, хозяин — продолжал Билл — откуда это вы взяли, что, когда у вас хорошо идут дела, то и мне также хорошо живется? В прошлом году вы загребали такие барыши, каких вы никогда не получали раньше. Ну, а мне-то какой толк от этого? Равно никакого.

«Я работал здесь, как вол, до самого наступления зимних холодов, когда пришлось прекратить работу, и затем отправиться в Сиаттл. Вы думаете, что мне надолго хватило заработанных мною денег? Как бы не так! Их хватило всего на один месяц. Как расплатился я с домохозяином да с бакалейщиком, которому жена порядочно задолжала, то почти ничего и не осталось. А бакалейщик не желал больше отпускать товар в кредит. И мне, и жене, и детям пришлось временами голодать и страдать от холода. Мы видели, как вы с вашей семьей раз'езжали по городу в шикарном автомобиле, одетые в теплую, красивую одежду. И все вы совсем не были похожи на голодных людей. Это доказывало, что вы сумели извлечь из нашего долгого, тяжелого труда изрядные барыши.

«Что же, было ваше благополучие также благополучием и для меня? Ничего подобного!

«Вы сидели себе зимой в своей тепло натопленной конторе в то время, как я мерз на улице, дожидаясь очереди, что-

бы кланчить у вас какой-нибудь работы. Да, именно **кланчить**! Ведь не от меня зависит, буду ли я работать или нет. Мне приходится упрашивать, чтобы мне сделали такую милость и позволили работать. Ведь если я пойду просить милостыню на улице, то меня может забрать полицейский.

«Велика ли разница между выпрашиванием милостыни у прохожих и выпрашиванием у хозяина работы, без которой мне не на что купить себе кусок хлеба!

«Вы выразились так, будто это вы содержите меня и мою семью. Было время, когда я верил подобному вздору. Но мне случилось как-то побеседовать с одним делегатом И. Р. М., и вот что он сказал мне: рабочие — так говорил он — родились взнузданными и оседланными, а хозяева родились в высоких сапогах со шпорами. Им только и остается поэтому вскочить на рабочего и поехать на нем верхом. Они и едут, пока спина рабочего в состоянии нести их. Ну, а когда его спина отказывается исполнять эту обязанность, то значит пора отправить такого рабочего на кладбище.

«Этот делегат прочел нам кое что из одного правительственного отчета. Там было сказано, что один рабочий в среднем вырабатывает товаров на 15 долларов в день. А когда он получит заработную плату за день, то он может купить на нее количество товаров, стоящее лишь четверть того, что он создал своим трудом в течение этого дня.

«Остающиеся у хозяина три четверти ценности созданной рабочим, этот «воббли» назвал «прибавочной стоимостью». Эта прибыль достается хозяину обыкновенно даром, без всякого труда с его стороны. И делегат говорил нам, что И. Р. М. решили все уменьшать и уменьшать эту прибыль до тех пор, пока она не сократится на столько, что ее нельзя будет увидеть ни в какой микроскоп. А тогда вашему брату придется надеть рабочую одежду и приняться за работу вместе с нами.

«Делегат, с которым я беседовал, сказал мне, что при теперешнем неразумном капиталистическом строе вам, хозяевам, приходится разрешать трудный вопрос о **перепроизводстве**, т. е. о том, как найти за-границей рынки для сбыта излишка тех товаров, которые вы присвоили себе. Вы поручаете это трудное дело дипломатам, а когда дипломатические переговоры ни к чему не приводят, то прибегаете к войне. Многие из нас участвовали в последней войне. Многие были убиты и

искалечены, но никому из нас, рабочих, эта война не принесла никакой пользы. Зато в ваши карманы так и текли барыши.

«Славная система, не правда ли? Да, для вас-то она очень хороша.

«Делегат объяснил нам, что на самом-то деле нет никакого перепроизводства.

«Не в том беда, что произведено якобы слишком много товаров, а в том, что мы получаем такую ничтожную плату за наш труд, что не можем купить всего того, в чем нуждаемся. Это «перепроизводство» получается просто оттого, что мы работаем для того, чтобы вырабатывать вам, хозяевам, прибыль, а не для того, чтобы произвести все то, что нужно для удовлетворения наших потребностей.

«Делегат сказал нам, что все богатство страны создается трудом, прилагаемым к земле и тому, что содержится в ее недрах, и он очень ясно доказал нам это.

«Да это вовсе не такая уже мудреная истина. Вот, посмотрите-ка на эти сосны и ели. Ведь если бы они росли здесь еще хоть сто или двести лет, то цена им была бы сама по себе совсем не велика, пока они не срублены. Но когда к ним приложат свой труд дровосеки, пильщики, рабочие на плотях, грузчики, железнодорожники и т. д., то цена им будет совсем другая. А когда из бревен и досок, изготовленных из этих деревьев, плотники построят дом, то цена дома будет опять-таки во много раз больше цены пошедших на постройку дома бревен и досок.

«Мы, рабочие, делаем всю эту работу и трудом своим создаем ценности. А вы, хозяева, и пальцем не притронетесь к тем строевым матерьялам, которыми вы торгуете. Вам ведь не охота испачкать свои руки смолой.

«Вы говорите, что мы, рабочие, должны быть довольны тем, что мы от вас получаем. Ну, я и старался быть довольным и говорил: дай бог здоровья хозяину за то, что он кормит меня. Но теперь я уже не такой дурень и распеваю: «Довольно лжи, довольно рабства, мы песнь свободы запоем!»

«Ну, хозяин, вы остановили меня, чтобы потолковать со мною, а вышло так, что говорил-то больше я. Да и впредь я намерен говорить гораздо больше, чем прежде. Уж довольно я молчал. Вы, конечно, прогоните меня, дадите мне расчет, скажете, чтобы я потоптал хорошенько свои сапоги, разыскивая работу в каком-нибудь другом месте. Ну, что же!

Я из-за этого печалиться не буду. Ведь не Бог весть какое сокровище потерял. От вашей работы жира все равно не нагуляешь. Чем горевать, пойду куда глаза

глядят, да буду распевать: «Брось же, товарищ, печаль и заботу: скоро нам будет **инная работа!**»

(Вольный перевод с английского.)

Шестнадцатый съезд Индустриальных Рабочих Мира

Задолго до созыва 16-го съезда И. Р. М. среди рабочих Америки носились неопределенные слухи относительно раскола в организации И. Р. М. Некоторые органы печати распространяли заведомо ложные сведения о внутренних делах организации. Передавались разные неподтвержденные слухи и предположения.

В действительности раскола в организации не было и если он случится, то это дело будущего. До сих пор существуют разногласия, междоусобица, но не раскол.

В истории И. Р. М. записаны три случая принципиальных разногласий. Тогда не взять ту или другую сторону в вопросе о разногласиях означало не иметь собственного мнения или не интересоваться делами организации. Все эти разногласия привели к расколам в небольшом масштабе.

В 1906 году поводом к разногласиям послужил вопрос о признании консервативного юнионизма. В 1913 году был затронут вопрос о централизации, а в 1921 году вопрос о признании Красного Интернационала. Все эти вопросы были глубоко принципиального характера.

Некоторые «друзья» и враги Индустриальных Рабочих Мира стараются придать и настоящей междоусобице характер принципиальных разногласий. В действительности же раздор является результатом уязвленного самолюбия должностных лиц организации; разногласий среди отбывших и отбывающих тюремное заключение товарищей-рабочих; стремления некоторых должностных лиц идти против решений организации; неясности и противоречий в уставе И. Р. М. и других причин, ни в коем случае не имеющих принципиального характера, затрагивающего основные принципы организации И. Р. М.

Каковы бы не были причины разногласий в данном вопросе, имя организации И. Р. М. было заргязнено обоими сторонами. Администрация И. Р. М. разбилась на два приблизительно равные лагеря, отстаивавших право руководства делами организации. Мы не станем останавливаться на истории разногласий, так как это заняло бы слишком много места, да и не интересно для читателей мало зна-

комых с внутренними делами организации. Более важным вопросом является то, как сумеет организация выйти из создавшегося положения, поэтому мы и переходим к заседаниям 16-го съезда Индустриальных Рабочих Мира.

Начавшие собираться на съезд делегаты имели перед собою довольно серьезную дилемму: обе враждующие стороны созывают съезд. Если делегаты будут поддерживать «свою» сторону и продолжать политику раздора, начатую должностными лицами, то раскол организации неизбежен.

Положение, что одна из сторон должна быть признана правой, а другая виновной, не могло привести к единению. Большинство приходило к заключению, что обе враждующие стороны виновны и что для единения организации необходимо устранить всех участников раздора.

Несмотря на то, что некоторые должностные лица делали попытки разбить делегатов на два враждующих лагеря, попытки эти не увенчались успехом. Неофициальное собрание делегатов в количестве 26 человек, состоялось 12-го октября. До полуночи продолжались горячие дебаты на тему об объединении делегатов в один съезд. Обе стороны должностных лиц наняли помещения для съезда и обе стремились одинаково открыть съезд. Но делегаты решили избежать официальности при открытии съезда.

Также было решено избежать буквы устава по вопросу о признании делегатов, так как положение считалось критическим и делегаты должны были найти выход. Этим воспользовались противники единения и подняли вой о нарушении устава. Смешно слышать разговоры о нарушении устава в то время, как не только устав и программа И. Р. М. не были соблюдены должностными лицами, но даже элементарные принципы революционной организации оказались забытыми. Это просто были придирки потерявших под собою почву личностей.

В полдень 13-го октября состоялось второе подготовительное собрание. Здесь выяснилось, что Исполнительный Комитет делал попытки созвать «свой» съезд,

но таковой не удался, так как делегаты увидели, что таким действием создать единение в организации не удастся. Четыре делегата покинули съезд Исполнительного Комитета и явились на предварительное объединенное собрание делегатов. Остальные явились на другой день. Лишь один делегат остался в одиночестве представлять собою оппозицию объединенному съезду.

В 2 часа по-полудни, 13-го октября, делегат съезда от союза сельскохозяйственных рабочих № 110, товарищ Жордан, открыл шестнадцатый съезд И. Р. М. Сразу же было заметно, что делегаты съезда ставят интересы организации и революционного рабочего движения выше своих личных симпатий в отношении спорящих сторон. В то же время нужно признать факт, что некоторые делегаты в первые дни относились недоверчиво к делегатам «противной» стороны.

Пару дней прошло в проверке мандатов съехавшихся делегатов и налаживания съезда. Как только определился состав съезда и количество голосов каждого индустриального союза, съезд перешел в постоянную сессию. По причине сложившихся обстоятельств съезд стал исполнительным органом организации. Практически 16-й съезд взял временно в свои руки все дела организации. Все должностные лица с обеих сторон были удалены, а на их место избрана временная административная комиссия, обязанностью которой было вести дела организации под контролем общего съезда.

Одна из враждующих сторон в лице секретаря-казначей, его помощника, главного организатора, членов Испол. Комитета от союзов № 110 и 230 признала съезд и передала дела организации избранной съездом временной администрации. Другая сторона отказалась признать съезд за исключением Гриффита, а впоследствии и Капона.

Такое поведение зазнавшихся должностных лиц возмутило делегатов съезда. Только благодаря спокойствию и рассудительности председателя съезда удалось установить порядок и удержать делегатов от необдуманных действий.

Наложившие запрещение на деньги и имущество И. Р. М. члены Испол. Комитета отказались признать съезд. Они продолжали вести дела в суде пытаясь, таким образом, дела организации решать в капиталистическом суде. Эти лица отказались поставить вопрос на всеобщее голосование членов организации и, фактически, порвали всякую связь с организацией.

Имена подписавших и поддерживающих запрещение: Роуан, Боурман, Тротер, Андерсон и Райан останутся на долго в памяти членов организации.

Должно заметить, что первоначальные действия Исполнительного Комитета оправдывались большинством членов организации. Число приверженцев Испол. Комитета стало уменьшаться с тех пор, когда было наложено запрещение (инджонкшн). Все же приходится констатировать факт, что явись члены Испол. Комитета на съезд, они бы имели за собою сильную поддержку, — возможно, что даже большинство голосов. Это объясняется тем фактом, что неприязнь к администрации Фишер-Дойл была настолько сильна, что И. К. многое прощалось. В особенности неприязнь была сильна среди делегатов союзов 120, 210-220 и 310, которые имели за собой большинство голосов.

Но Испол. Комитет наотрез отказался признать съезд и игнорировал таковой. Понемногу настроение делегатов менялось и к концу съезда все делегаты были настроены против И. К., ибо действия последнего ставили на карту существование организации, как единого целого революционно-индустриального рабочего движения.

Множество разнообразных вопросов, затрагивающих интересы организации, а также всего рабочего движения, предстояло решить съезду. Но главным вопросом съезда был вопрос о действиях администрации и Испол. Комитета.

Во время заседаний съезда выяснилось, что во многих странах, как Венгрия, Чехо-Словакия, Германия и других развивается сильное движение революционного индустриализма. Некоторые страны высказывались за необходимость основания администраций Индустриальных Рабочих Мира и издания своих органов печати. При этом группы сторонников идей И. Р. М. признали, что программа И. Р. М. принимается без изменения, а также и основные принципы устава. Все сходились также на том, что размеры вступительных и ежемесячных взносов должны решаться администрациями каждой страны, как уже практикуется с существующими администрациями Мексики, Чили и др.

Отчеты редакторов газет на иностранных языках подтвердили, что идеи Индустриальных Рабочих Мира проникают в широкие массы всего мира. В сторону революционного индустриализма склоняются с одной стороны трэд-юнионисты, а с другой — синдикалисты. Кроме того замечается, что последователи революционного индустриализма рекрути-

руются также из рядов разочаровавшихся сторонников политической борьбы посредством партий, а также тех рабочих, которые устали заниматься одним отрицанием и пришли к заключению, что необходимо создание сильной революционно-экономической организации, способной бороться с объединенными капиталистами.

Таким образом приходится признать, что не только идеи Индустриальных Рабочих Мира становятся интернациональными, но и сама организация, объединяя передовых рабочих во многих странах, становится Интернационалом.

Нужно признать, однако, что американские индустриалисты в последние годы слишком ушли в самих себя, т. е. отодвинули в сторону интернациональность. Возможно, что в недалеком будущем мать революционного индустриализма — Америка, станет второстепенной величиной в семье организации И. Р. М. Предполагаемое мировое объединение И. Р. М. в одно целое осуществится в недалеком будущем и нужно желать одного, чтобы это произошло поскорей.

Важным вопросом с'езда был вопрос о правильном истолковании или раз'яснении программы и принципов И. Р. М. Дело в том, что в организации заметны два течения, которые требовалось уравновесить и вылить в одно целое. Одно течение ставило главной задачей распространение революционных идей, другое — признавало необходимость организации на местах производства прежде всего. Организация, как целое, стоит на точке зрения взаимодействия этих двух составных частей: организации и революционизирования. Если одно из этих течений затемнит другое, а основное течение революционного индустриализма будет отодвинуто в сторону, то И. Р. М. перестанут быть тем, чем они есть.

На рассмотрение с'езда было представлено много резолюций, некоторые из них были приняты или отвергнуты быстро. Другие, более важные, заняли много времени с'езда.

Так, например, была отвергнута резолюция запрещающая организации И. Р. М. и ее составным частям приобретать недвижимое имущество. Выяснилось, что во многих местах нет возможности нанять помещения для организации, что некоторые отделы имеют собственные здания для школ, общежитий, библиотек, собраний, и т. д., что часто покупка здания выгодна в смысле уменьшения расходов на аренду.

Отклонено было требование некоторых индустриальных союзов об увеличении

вступительного и ежемесячных взносов.

Вместо 15 центов, которые высчитывались из ежемесячного членского взноса в пользу Главной Конторы, было решено высчитывать 7½ центов. Деньги эти идут на организационно-просветительную работу, а также на содержание Главной Конторы.

До настоящего времени индустриальные союзы с малым членским составом не имели своей администрации и находились в ведении Исполнительного Комитета. Дабы оживить организационно-просветительную работу было решено, чтобы малые союзы избирали свою администрацию.

По вопросу об узниках классовой борьбы с'езд занял позицию, что заключенные товарищи-рабочие, оторванные от действительной жизни и от активной борьбы не должны претендовать на руководство делами организации. С другой стороны остающиеся на воле члены организации не должны диктовать заключенным, как они должны действовать за решетками.

Исключенные из организации члены, вышедшие на свободу прежде всеобщей амнистии, были восстановлены в правах.

С'ездом были приняты крутые меры против лиц ведших дезорганизационную работу в организации. Так были исключены: Блоссом, Квинлин и Лортон. Были также исключены 5 членов организации за то, что, выпущенные под залог в Калифорнии, они не явились на суд и отказались уплачивать положенную за них сумму денег. Своим действием они подорвали кредит организации среди лиц дававших залогов и многие товарищи-рабочие вынуждены томиться в заключении, так как залогодатели отказываются рисковать деньгами.

От Рабочей Партии Америки явились на с'езд делегаты с мандатом Красного Интернационала. С'езд отказался принять делегацию, не пожелав выслушать их и, таким образом, прямо высказал свое отношение как к Рабочей Партии Америки, так и к Красному Интернационалу. Корреспонденция Рабочей Партии о совместных действиях была брошена в корзину.

По вопросу о сроке службы должностных лиц столкнулись два течения. Одно доказывало, что способные администраторы должны занимать должность до тех пор, пока они приносят пользу организации. Другое течение доказывало, что один год службы вполне достаточен и что не следует вырабатывать бюрократов, разрешая им засиживаться в конторе. Было решено выбирать должностных лиц

на один год с правом перевыборов не более одного раза.

Вопрос о Комитете Защиты был подвержен всестороннему обсуждению. Требование некоторых делегатов уничтожить Комитет Защиты не встретило общего сочувствия. Было решено дела Комитета Защиты передать в ведение Исполнительного Комитета. Главное внимание решено обращать не на защиту в судах, а ведению усиленной агитации и всестороннего освещения дел в связи с законом о «криминальном синдикализме» и т. д.

Долгое время занял пересмотр и переделка устава. Устав часто являлся камнем преткновения, так как различно истолковывался. Все находили, что основа организации есть программа (Preamble) Все же требовалось определить права и обязанности членов организации и в особенности выборных должностных лиц, дабы предотвратить возможность повторения междоусобицы переживаемой в настоящее время.

В виду того, что обеими враждующими сторонами распространялись слухи о расхищении организационных денег, съездом была избрана ревизионная комиссия для проверки книг и оправдательных документов. Ревизионная комиссия доложила, что все найдено исправным.

Исполнительный Комитет отказался предоставить свои книги для проверки. Таким образом установлено, что слухи о расхищении сумм одной стороной не подтверждаются. Что же касается расходов Испол. Комитета, то съезд остался в неизвестности относительно таковых.

Трудно в журнальной статье подробно разобраться в работах съезда, заседавшего двадцать пять дней. Поэтому, упомянув о некоторых решениях съезда, мы перейдем к вопросу о разногласиях.

В то время как делегаты съезда напрягали усилия дабы выйти из создавшегося положения и наладить дела организации, Исполнительный Комитет продолжал свою дезорганизационную работу.

Хотя все делегаты сходились на вопросе о необходимости исключения членов Исполнительного Комитета обратившихся в суд за запрещением, но разногласия были вызваны по вопросу о всеобщем голосовании. Одна часть делегатов доказывала необходимость поставить вопрос об исключении на референдум, другая — доказывала, что съезд имеет право и должен исключить их самостоятельно. Затем высказывалось мнение, что в число исключаемых должны быть включены не только имена лиц ответственных за запрещение, но также и лиц послуживших причи-

ной происшедших в организации раздоров. Затем вопрос был поставлен на голосование об исключении только тех, которые продолжают судебный процесс и отказываются отозвать запрещение. После продолжительной дискуссии по вопросу была принята резолюция об исключении: Роуана, Баурмана, Райана, Тротера и Андерсона. Резолюцию исключения решено было поставить на всеобщее голосование.

К концу съезда стало выясняться, что сторонники Испол. Комитета или запрети-тели, как их стали называть, вели довольно интенсивную пропаганду за непризнание съезда и, практически, за раскол. На съезд присылались со всех концов Америки телеграммы и резолюции о признании съезда. Но между ними, хотя в незначительном количестве, попадались резолюции о непризнании съезда и об отзывании делегатов. Исполнительный Комитет работал усиленно за раскол, установив свою отдельную администрацию. В основу этой администрации легли 4 союза. Собственно не союзы, а должностные лица от союзов Лесных Рабочих № 120, Строительных Рабочих № 310, Металлистов № 440 и Железнодорожников № 520. Насколько велико число сторонников Испол. Комитета в настоящее время неизвестно, но несомненно, что брожение внутри организации не улажено.

Возможно, что съезду придется собраться еще раз прежде чем будут улажены внутренние разногласия, но это вопрос гадательный.

Продолжительное время взял допрос устранившихся должностных лиц. Каждому делегату было дано 20 минут для вопросов. Опрашиваемые подверглись всесторонней бомбардировке. Было очевидно, что все они виновны в известной степени. Но вина их казалась ничтожной в сравнении с виной Испол. Комитета продолжавшего держать запрещение и вызывавшего раскол в организации.

Вопрос о виновности разбирался отдельно относительно каждого активного участника междоусобицы. Исключен из организации был только один Грифит, подписавший запрещение, но впоследствии признавший съезд.

Члены Исполнительного Комитета от союзов №210-220 Капон и от союза №230 Гибсон были лишены права занимать должность в организации на три года. Остальные: Дойл, Фишер и Линн признаны виновными и устранены от должности. Морис оправдан и также устранен от должности.

Читатель спросит справедлив ли был

с'езд в своих решениях. Вопрос довольно сложный и может разбираться с разных точек зрения. По мнению пишущего этот отчет решения с'езда несправедливы по степени вины. Но на с'езде произошел довольно неприятный инцидент. Некоторые из делегатов требовали исключения Фишера и других. Когда предложение об исключении провалилось, они отказались голосовать и, таким образом, виновные отделались лишь устранением от должностей.

Несомненно, что многие члены организации останутся недовольны с'ездом. Но так было всегда. Недовольство в организации является нормальным явлением. Никогда решения с'езда не были подтверждены как целое.

* * *

Целый месяц заседал с'езд И. Р. М. Спрашивается: удалось ли с'езду найти равнодействующую? Несомненно нет. Никакой с'езд не может решить дел организации. Он может сделать лишь подготовитель-

ные шаги к единению. Высшим органом является членский состав организации. Решения с'езда будут дискуссироваться на собраниях, когда делегаты будут давать отчеты. Во многих местах возможно произойдут горячие споры между сторонниками единения и сторонниками раскола. Даже быть может некоторые группы и отделы отойдут от организации. Но потеря не будет значительной. И, пожалуй, мы должны быть довольны этим уроком, так как организация очистится от группы консервативных передовиков, игравших видную роль в организации.

Все эти раздоры до некоторых пределов задержали развитие организации и задержат его в будущем пока установится внутреннее единение и силы организации будут в целом направлены на внешних врагов. Но об этом особенно печалиться не приходится, ибо чем более единения в организации, тем сильнее ее удар на врагов.

Организация сильна не количеством, а качеством.

Из жизни политических заключенных в России

ОСТРОВА ИМЕНИ ЛЕНИНА. (Соловки).

(Из письма л. с.-р.) Наша колония политических насчитывает сейчас около 300 человек—137 с.-д., 14 л. с.-р., 109 с.-р. и около 35 анархистов. Размещены в трех скитах Соловецкого монастыря. Наш скит—Савватьевский, самый большой и вмещает около 180 социалистов и анархистов. Он находится на главном острове, где сконцентрированы все учреждения Управления Северными лагерями и основной контингент уголовных заключенных. Второй скит—Муксомский (70), соединен с нашим островом дамбой. Третий—Голгофский, находится на Анзерском острове, отрезанном 4-х верстной полосой моря от главного острова. Зимой, когда идут льды, сообщение между этими островами может поддерживаться лишь случайными лодками с большим риском для жизни. Мы все время отказывались ехать туда и уплотняли свои скиты: Савватьевский и Муксомский. Мы опасались, что на время долгой зимы окажемся отрезанными не только от материка, но и от главного острова, где находится управление, предвидя затруднение в снабжении продовольствием и медицинской помощью. Т. О. мы, самое главное, не хотели очутиться во власти местной администрации и уголовного надзора. Сейчас с приездом новых партий у нас не было выхода—пришлось принять Анзерский скит, оговорив условия медицинской помощи и снабжения продовольствием. Скиты уплотнены, и новых партий мы принимать не можем. Администрация, не имея новых помещений для нас, настаивает на прекращении ссылок на Соловки. Тем не менее новые партии политических прибывают и прибывают. Одна из них находится в Кремле при Управлении, другая, направляющаяся в Соловки, по слухам,

около 30 человек на материке в Кемпи.

Административное Управление не без ведома из Москвы, ведет недвусмысленную линию перевода нас на уголовный режим. Так последнюю партию социалистов, прибывшую в Соловки, долгое время не признавали политической. В Кемпи их сажали в карцер, заставляли работать как уголовных и тому подобное. В Соловках нам не без труда удалось отстоять их. Две самые последние партии до сих пор находятся в таком невозможном положении, спорно-политическом режиме. Состав этих партий (18) человек нам хорошо известен. Там 6 л. с.-р., 3 п. с.-р. и 2 анархиста. Среди них есть товарищи, которые давно уже состоят членами партий. Эти товарищи нам известны лично, известны и ГПУ, ибо некоторые из них не один раз сидели в большевистских тюрьмах. Достаточно нам назвать л. с.-р. Рябинина из Д. В. Р., кроме него из наших товарищей в этой партии и еще 3 воронежца: Ляпин, Раздобеев, Калужный и двое студентов—Войт и Белоглазов. Несмотря на наши протесты, телеграммы в Москву в ВЦК, наши товарищи продолжают сидеть в Кремле изолированные, при режиме, который каждую минуту грозит превратиться в уголовный. На этой почве может возникнуть голодовка, и мы также можем быть в нее вовлечены. Кроме партийных социалистов ГПУ посылает сейчас на Соловки в огромном количестве беспартийных с социалистической окраской, замешанных в революционном движении. К числу таких политических принадлежит большинство студентов. Вы знаете, что за последнее время студенческое движение приняло большие размеры. В результате чистки в Петрограде, в Москве и других городах произошли аресты, высылки в глухие места России, заключение на Соловки также и комсомольцев. На Соловках

администрация отказывается признать студентов политическими. Молодые юноши и девушки 18—20—22 лет, за редким исключением 25 лет, сажаются вместе с уголовными: ворами, убийцами, проститутками, посылаются на тяжелые работы, подвергаются всяким оскорблениям со стороны администрации и уголовного надзора. Особенно тяжело положение молодых курсисток, которые живут в общих женбараках и не гарантированы от назойливых ухаживаний уголовного надзора. В Кемпи был уже случай, когда всегда пьяный комендант из общей партии студентов отправлявшихся на Соловки выделил курсистку Ефимову (она ему „понаправилась“) и оставил ее для „работы“ в Кемпи. Только после нашего вмешательства... курсистка Ефимова была переведена в Соловки и присоединена к своим товарищам. Из других политических, сидящих на уголовном положении, много повстанцев-крестьян, сосланных за участие в крестьянском движении, рабочих — *за забастовки*. Мы обращаем ваше внимание на группу Кронштадских матросов, осужденных в административном порядке ГПУ по делу Кронштадского восстания 1921 г. Некоторое время они жили в нашем Муксомском скиту на политическом режиме. А затем, так как в Муксоме было очень тесно — переехали в Кремль, где имели официальное свидание с нашими старостами. Мы поддерживали их продовольствием, книгами, газетами и т. п. Администрация как то неожиданно вызвала старостат Кронштадцев в Управление и объявила ему, что, согласно распоряжения из Москвы, и вся группа Кронштадцев переводится на уголовный режим, лишается политического пайка и должна стать на те работы, которые ей будут указаны. Старостат Кронштадцев отказался этому подчиниться и был тотчас же связан. Через некоторое время надзор ворвался к Кронштадцам в помещение и, получив от них отказ подчиниться распоряжениям Москвы, также перевязал всех. Связанные Кронштадцы объявили голодовку, их потащили в карцер, где они голодали 9 дней. Голодовка не привела ни к каким результатам. Они решили временно принять уголовный режим, с тем, чтобы перед комиссией, которая ожидалась из Москвы, вновь поставить вопрос о политическом режиме. Администрация понимала, что борьба с Кронштадцами еще не закончена. Учитывая возможность новой борьбы, они всячески провоцировали Кронштадцев на преждевременное выступление. 20-го июля неожиданно трое из Кронштадцев были переведены на Секирную гору в штрафную тюрьму без всяких поводов (якобы за разложение уголовного режима и оскорбление надзора). Они объявили голодовку, перевод сопровождался насилиями и побоями. Остальные (7 человек) присоединились к голодовке. Их перевели в подвал в карцер. Голодовка была упорная и продолжалась 14 суток. Каждую минуту мы ожидали трагедии. Один из Кронштадцев (Иудин) дважды покушался на самоубийство; у двух на 11 сутки пошла горлом кусками запекавшаяся кровь. Администрация ничего не предпринимала, и только на 14 сутки вызвала старосту Кронштадцев для переговоров. В результате наказание 3-м Кронштадцам на Секирной горе было отменено, уголовный режим остался в силе. Им разрешили жить своей группой, обещали не раз'единять и на работы

посылать по специальности. Все голодающие (их 10 человек — Ермолаев, Эвельтис, Андрейченко, Федотов, Кулишев, Куркеш, Белов, Иудин, Захаров, Расказов) в ужасном состоянии переведены в больницу. Для некоторых из них эта голодовка быть может будет стоить жизни. Вся эта группа состоит из исключительно честных, хороших и преданных революции матросов и рабочих Кронштадта. По своим партийным симпатиям они распределяются: 2 л. с.-р., 4 анархиста, 1 кронштадский рабочий меньшевик, остальные беспартийные революционеры, стоящие на позиции октябрьской революции. Они одни из тех немногих революционеров, которые физически уцелели и политически сохранили себя, несмотря на все систематические расправы большевистского правительства над Кронштадцами. Наш коллектив Савватьевского скита протестовал; в телеграмме во ВЦИК, мы требовали срочной ликвидации голодовки Кронштадцев, прекращения издевательств над ними и перевода их на политический режим. Результата никакого. Нет сомнения, что их борьба еще не закончилась, что администрация не оставит их в покое и снова попытается спровоцировать их на какое нибудь выступление, чтобы физически их истребить. В 1922 году, когда мы были в ссылке в Архангельске, нам рассказывали, что Кронштадцев 1000-м морили в Северных лагерях (Холмогорах, Портаминске и т. д.), расстреливали. Лишь те из них уцелели кому удалось бежать.

Теперь о нас — признанных социалистах. Выше я писал вам, что администрация лагерей и Москва взяли курс на ликвидацию политического режима. Это выражается не только в попытках непризнания новых партий наших т. т. политическими, но и в целом ряде других вопросов, непосредственно касающихся нас. Так, у нас чрезвычайно остро стоит вопрос сейчас о самообслуживании. Нас хотят заставить принудительно работать и начинают с того, что хотят заставить нас для наших нужд заготавливать дрова, топить баню, вывозить нечистоты и т. д. До сих пор мы ни в одной тюрьме не работали принудительно даже для себя. Нам всегда доставляли дрова, отапливали корпус, готовили пищу. В Портаминске и в течение года на Соловках некоторые работы мы выполняли добровольно: убирали корпус, отапливали его, варили пищу, убираем двор, стираем белье и т. д. Более тяжелые работы (заготовка дров в лесу, вывоз нечистот и т. п.) выполняла администрация. И вот с весны нам предложили и эти работы выполнять самым, у нас нет гарантии, что за этим не последует обслуживание нами уже всего лагеря, в том числе и администрации. Это для нас неприемлемо, как неприемлем всякий вид принудительной работы хотя бы и для себя. Мы сосланы административно, и администрация должна снабжать нас всем необходимым. В порядке добровольчества мы и раньше выполняли целый ряд работ, принять же самообслуживание в порядке принуждения мы не согласны, ибо видим в этом попытку постепенного введения каторжного режима для социалистов. Кроме того, принудительное самообслуживание неприемлемо для нас и по другим мотивам: у нас половина больных и много женщин, выполнение всех работ ляжет на одних здоровых — им безусловно с этим не справиться. Мы от-

казались от самообслуживания. Нас лишили дров, бани еще с весны, когда на дворе еще лежал снег, мы сидели в холодных сырых камерах. Мы ограничивали себя в кипятке, в пище, так как дров не было, а администрация их не подвозила. И сейчас мы сидим без дров с перспективой очень скоро остаться на сухом пайке: хлебе и воде; это при наличии огромного количества больных цынгой, просто больных. Ждали все время комиссии из Москвы, но ее пока нет. Когда придет, мы поставим перед ней во всю ширь все вопросы нашей тюремной жизни, чрезвычайно осложнившейся за это время на Соловках. За зиму выяснилось, что Соловки не обеспечены продовольствием, и при той системе, которая здесь практикуется, вряд ли могут быть обеспечены. Мы об этом говорили 23-го года осенью приезжавшим из Москвы Фельдману и Бокию (комиссии). Они нас заверили, что продовольствия достаточно. Несмотря на это, те нормы пайка (больничного, здорового), которые были ими установлены, уже с декабря не могли выдаваться нам полностью, а с февраля количество больничных пайков за недостатком продовольствия механически было сокращено Управлением до 15% на 180 человек, т. е. 27 пайков. Больных уже у нас много больше, до сокращения по предписанию тюремного врача мы получали около 50 пайков. Но и эти 15% фактически мы не получали, так как обнаружилось, что на Соловках нет целого ряда продуктов: масла, белой муки и т. д. В результате — цынга, массовое заболевание. Старые запасы израсходованы, а о новых не думают. В результате мясо (солонина) получаем два раза в неделю. Вместо свежих овощей — сухие; целого ряда других продуктов (лук, масло, свежее мясо для больных) совсем не выдают. Остальные продукты отличаются недоброкачественностью (горькая мука, непропеченный сырой хлеб)... С больничным пайком дело обстоит отвратительно: 15% нормы сохранили и с открытием навигации, хотя есть возможность подвоза продуктов, хотя бы для больных. Сама постановка медицинской помощи здесь ниже всякой критики. Тюремные врачи мало интересуются больными, врачей социалистов нет. Как общее правило, в больнице совсем не лечат, так как нет медикаментов. К весне не было даже иоду. Уход за больными отвратительный. Часты даже случаи, когда наших больных товарищей, приезжающих в больницу (за 12 верст от скита) врач отправляет сейчас же обратно, даже не осмотрев. Сейчас целый ряд товарищей нуждается в специальном лечении. Вот уже в течение 3-х месяцев настаиваем на переводе их на материк. До сих пор уехали только 4: Маркман (л. с.-р.), Марцинкевич (по делу л. с.-р.) и 2 анархиста: Сютевич и Вегер (почти при смерти). Об остальных послан запрос в Москву, но ответа еще нет. Общий курс Москвы — завинтить нас. Вся та конституция, которая была выработана комиссией Фельдмана в 1923 г., уже с момента расстрела 19-го декабря — отменена. Один параграф за другим отменяется постепенно. Сначала урезали прогулки и ограниченно пользовались светом, затем прекращены свидания с Муксольским старостатом, отменена норма питания, сейчас самообслуживание и попытка перевода наших т. т. на уголовный режим (Кремлевская партия) и, наконец, в му умиранию от истощения. В конце 1923 г. на Се-

настоящий момент отмена свидания с родными в нашем корпусе. Приехавшим родным дали свидание в административном корпусе при надзоре; за 1000 верст они ехали к нам в Соловки, расходуя последние деньги, чтобы только увидеть нас, ибо поговорить в таких условиях нет возможности. После 8-9 месяцев, когда мы не имели ни свиданий ни даже регулярной переписки — это последняя мера издевательства. Мы ждем комиссии, чтобы поставить вопрос о нашем увозе из Соловок. *Пережить еще одну зиму, какую мы пережили здесь, вряд ли хватит сил...*

* * *

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ САХАЛИН.

... В 1923 году в Соловецкий концлагерь было свезено свыше 3,000 человек. Социалисты и анархисты в количестве 300 человек были помещены в скитах Савватьевском и Муксольском. Этот в 12 верстах от главного монастыря. Главная масса заключенных, уголовные, контр-революционеры и спекулянты были оставлены в Кремле. Там же вместе с уголовными поместили повстанцев-крестьян, высланных за забастовку рабочих и т. д. В Кремле и возле него в уцелевших от пожара зданиях и гостиницах разместилось управление, надзор, команда красноармейцев, многочисленные канцелярии, отделы, подотделы и т. д. В страшной темноте, чуть друг не на друге здесь помещено было больше 2-х с половиной тысяч человек. В большой церкви были сделаны сплошные нары, там валялись больше сотни уголовных. Даже в худших царских тюрьмах были приняты определенные нормы для заполнения камер, иначе невозможна долгая жизнь в заключении. Управление и не думало ни о каких нормах. Дух старой азиатчины, старой Московской Руси воцарился здесь сразу же, правда вернувшись с другого конца, в совершенно иной обстановке, но это дух тот же. Стащили с куполов кресты, ободрали стены церквей, замазали иконы, нарисовав вместо святых портреты Ленина, Троцкого, Маркса, и вместо текстов из священного писания лозунги РКП. Стащили с колокольни колокола и вместо обедни стали вызванивать на них тюремные сигналы. Старый монастырь, частично бывший уже жесточайшей тюрьмой, превратился весь в такую же жестокую тюрьму. В невыносимых условиях голода, холода, страшной скученности заключенные посылаются на самую тяжелую принудительную работу. На постоянном ветре, летом под комарами, а зимой в морозы и вьюги, полураздетых людей, в лохмотьях и опорках, таких жалких, что сквозь одежду часто просвечивает тело, посылают рубить дрова, корчевать пни, курить смолу, ловить рыбу, заставляют обслуживать баню, прачешную, скотный двор и так далее.

Управление выработало урочное положение, по которому каждый обязан выполнить очень большой даже для здорового, хорошо одетого и хорошо питающегося человека урок. Само собой ясно, что изнуренные, измученные, полуголодные люди не выполняют управленский урок. За это урезывали паек и наказывали другими мерами: переводили в штрафную роту, а оттуда не выпускали ни на работу, ни на прогулку и держали на половинном пайке, подвергая медленно-

кирной горе в церкви была устроена специальная тюрьма для провинившихся: даже в Соловецких условиях Секирная тюрьма была предметом ужаса для заключенных.

Забитые, замученные, отправляемые на Секирную гору в отчаянии обыкновенно упорно отбивались, не желая идти, большей частью их уводили связанными. Передавали, что на Секирной горе все арестованные помещались в церкви, почти не отапливаемой. Раз в день дают горячую пищу, два раза кипяток, 1 ф. хлеба и больше ничего. Заключение на Секирной горе настолько мучительно переносилось, что через два, три месяца после ее основания начались массовые самоубийства заключенных и в тюремную больницу привозили одного за другим с перерезанными ножем животами. В самом Кремле остатки старой тюрьмы, сохранившиеся от незапамятных времен, были использованы в самой полной мере. В толстой возведенной из громадных валунов стене, окружающей монастырь, в подвальных помещениях, старых монастырских зданиях — остались так называемые Иоановские темницы. Темницы эти или каменные „мешки“, как их здесь называют, представляют собою проделанные в стенах глубокие ниши. Вход в такую камеру настолько мал, что туда войти можно только боком. Самый „мешок“ узкий, короткий, низкий. Заключенный в такой мешок человек с трудом может двигаться, зачастую не может вытянуться даже во весь рост. В эти мешки сажали провинившихся в чем-либо арестантов. Срок был долгий — иногда две, три недели. Иногда при этом некоторых раздевали до нижнего белья. В „мешках“ кишмя кишели насекомые, вши, мокрицы и т. п. В сентябре 1923 г. в Соловки приехала комиссия с ревизией во главе с чекистом Фельдманом. Рассказывают, что во время этой ревизии в числе прочих достопримечательностей Фельдман осматривал и „мешки“. Воздух в этих „мешках“ был таков, что туда никто из членов комиссии не входил, для опыта бросили в один из „мешков“ тряпку и, когда ее вытянули обратно, она оказалась сплошь покрытой вшами и мокрицами. Старые Иоановские застенки оправдали себя. Правда, Фельдман бывший революционер, смутился, как говорят, очень мало. „Мешки“ он, правда, приказал отменить, как меру наказания, но изобретатели и подражатели Иоановских времен остались на своих местах хозяевами жизни и смерти многих сотен заключенных. Вместо сравнительно короткого заключения в каменных мешках, арестантов стали заключать на долгое время в тюрьму на Секирной горе. Управление применяло и некоторые другие методы наказания. Как то в Холмогорах и Портаминске летом 1923 года были, как говорят, случаи пыток комарами: ставили раздетого донага под сигнальным колоколом на дворе. Смысл этой пытки состоял в том, что на стоящего в таком виде сразу нападали тучи комаров; эта пытка была самая распространенная в северных лагерях. За всякого рода провинности уголовные надзиратели беспощадно избивали. Когда измученные в конце рабочие в Савватьевском скиту оказались не в силах работать, их били и истязали, так что их крики и стоны слышались издали. Неоднократно заключенные социалисты слышали вопли, сто-

ны избиваемых рабочих, которых заставляли работать не только днем, но и ночью. Зимой и летом всех арестованных выстраивали в ряды во дворе Кремля для проверки. Измученные после долгой и тяжелой работы арестанты стояли рядком, иногда по несколько часов в ожидании, пока дежурный надзиратель или комендант не придет их пересчитать. Эти стояния в шеренгу под ветром и дождем устраивались довольно часто исключительно с целью издевательства и мучительства. Никто не смел протестовать против этого ни одним звуком, в противном случае протестанта ожидает каменный мешок, избивание, отдача комарам под колокол. В довершение всего в самых широких размерах применялась смертная казнь. В 1923 и 1924 г.г. таким образом без суда администрацией были расстреляны преимущественно за побег и за связь с политическими. Удачных побегов в Соловках было очень мало. Почти всякий раз пытавшиеся бежать бывали пойманы. В 1924 г. был приказ за попытки к побегу — расстрел. Каждый раз перед совершением казни об'являлось всем уголовным арестантам особым приказом, читаемым на поверке. Роль палачей часто при этом исполняли высшие чины администрации, исключительно из любви к искусству. Начальник Управления Ногтев собственноручно расстрелял одного вольного жителя, работавшего в Соловках по вольному найму. Позднее помощник коменданта первого отделения Сукис, необыкновенно тупой человек, сам приводил в исполнение смертные приговоры и с самодовольством хвастался потом своей работой перед арестантами и надзирателями.

Соловки заключают много женщин, как уголовных так и политических. Состав женской тюрьмы также разнообразен как и мужской. Рядом с профессиональными воровками и проститутками и т. д. обычным явлением тюрем, помещаются жертвы революции, попавшие в тюрьму за политические „преступления“ или по подозрению в них. Или просто за происхождение из буржуазных слоев. Попадают курсистки, участвующие в политических протестах. Все женщины помещаются в так называемом женском бараке. Они находятся в полном владении Соловецкой администрации. Их делают последовательно наложницами: сперва комендатура, высшие чины администрации, потом чины надзора, потом и низший надзор. Вытравливают из них все человеческое, заражают венерическими болезнями. Женбарак представляет собой настоящий ад. Истерики, слезы измученных жертв Соловецкого быта перемешиваются с гнусной бранью привыкших ко всему и примирившихся с Соловками уголовных и проституток. Даже некоторые из уголовных надзирателей считают очень тяжелым занятием стоять на посту в надзоре. Среди женщин душевные расстройства и всякого рода болезни. Сопротивляющихся и оберегающих женскую честь, протестующих против издевательств изводят карцером, тяжелыми работами и т. д. Зимой одну из сидевших в карцере, когда она, не выдержав мучений, начала там биться, кричать, плакать и бить стекла, солдат ближайшего поста просто пристрелил.

Так забивая, издеваясь всеми способами и просто убивая, приводят к полной покорности, к полному рабству женскую тюрьму. Хозяевами этого кошмар-

ного существования многих отрезанных, заброшенных и лишенных всяких связей с покинутым ими миром людей, является Управление северных лагерей и команда надзора. Характерной чертой Соловецкого лагеря, как и других северных лагерей, является состав Управления и администрации. Только немногие из членов Управления сами не являются арестованными. Надзор, служба, канцелярия, большая часть непосредственной административной работы передана назначенным администрацией арестантам. Наружную охрану исправляет команда красноармейцев. Однако, это особые красноармейцы. Деревенские парни вряд-ли смогли бы проявить ту систему постоянного зверского истязания людей, которая укрепились на севере и в Соловках. Для этого нужны особые кадры людей, лишенные всего человеческого, людей без совести, без жалости. Такой кадр Управление вербует из арестанской среды. Среди посылаемых в Соловки за уголовные преступления чекистов преимущественно и выискиваются администрация и надзиратели, им дается привилегированное положение, они находятся в Соловках скорей на службе, чем в тюрьме. Зачастую им сбавляется срок и делаются всякого рода милости. За это они должны нести непосредственный надзор за арестантами...

ЕЩЕ ОДНА ЖЕРТВА.

Во внутренней тюрьме Г. П. У. замучен наборщик *Москалев*. Покойный работал в типографии „Кооперативное издательство“, был арестован в один из последних чекистских налетов в конце июня вместе с группой других печатников. Ему вменялась в вину принадлежность к РСДРП.

На все попытки родных получить свидание отвечали отказом и лишь недавно им был выдан... труп. Как и при каких обстоятельствах умер Москалев, Г. П. У. не объяснило. *Весь труп был в кровоподтеках, на шее и груди синие пятна.*

Печатники, арестованные вместе с Москалевым — Зубаков, Скачков и др., пошли в ссылку — в Сибирь на три года.

ГОЛОДОВКА.

Только что получены в Берлине сведения, что началась всеобщая голодовка политических заключенных на Соловецких островах. Они требуют упразднения Соловецкой тюрьмы и перевода их на материк!

Объединенный Комитет Защиты заключенных революционеров в России.

Письма читателей Голоса Труженика

Нордген, Канада.

По получении нами 1-го номера журнала „Голос Труженика“, мы, группа русских членов И. Р. М., от души приветствуем возобновление издания единственного на русском языке органа, который со дня своего существования неустанно ведет пропаганду революционного индустриализма и борется за освобождение тружеников всего мира от гнета эксплуататоров. Мы желаем „Голосу Труженика“ успешно продолжать начатую борьбу за правое рабочее дело Индустриального Коммунизма.

Мы находим, что „Голос Труженика“ полезен и необходимый печатный орган для рабочего движения и будем напрягать все наши силы, дабы поддержать издание нашего ежемесячного журнала, хотя мы и переживаем кризис безработицы в настоящее время.

Мы призываем всех российских выходцев в Канаде сплотиться вокруг „Голоса Труженика“ и вести борьбу за освобождение.

С товарищеским приветом

М. Д. Зеленюк.

Вэйн, Алта., Канада.

Уважаемые товарищи!

Я рад, что „Голос Труженика“ снова начал издаваться. Поэтому, хотя вкратце, напишу вам о том, как здешние шахтеры (майнеры) боролись и борются за лучшие условия труда и за сокращение часов работы.

Здесь мы видим то же, что происходит и в других местах: рабочие выступают против хозяев не все за-

одно, а частично, и этому есть свои причины. Еще прошлой весной в апреле месяце выступили на забастовку шахтеры 18-го округа. Борьба затянулась и теперь еще не улажена. Одни из рабочих, те из них, которые были при деньгах, продолжают оставаться в шахтерских бараках; другие, в большинстве бессемейные рабочие, раз'ехались кто куда в поисках за работой. Эта забастовка особенно тяжела для рабочих, потому что началась не в сезон спроса на уголь и в период безработицы. Отсюда и развивается стачколомство.

Однажды был у нас такой случай: чиновники 18-го округа подписали отдельный договор с компаниями в участках Друмгелер и Летбрич, Алта., и тут шахтеры спокойно идут на работу и таким образом действуют на руку своих продажных лидеров и капиталистов, которые указывают, что работа идет по соглашению. Через короткое время там же по приказу заставили рабочих добывать уголь за урезанную плату. Вот как хозяева душат рабочих и при том еще получают содействие лидеров последних. Но кто же виноват? Я обвиняю рабочих, так как они вручают свою судьбу в руки лидеров, действующих по указке капиталистов. Очень жаль что подавляющее большинство рабочих гораздо охотнее и активнее действуют по приказу лидеров и в их пользу, чем по своей воле и для своих интересов. Из этого видно, что рабочие сами себя продают в лапы современного рабства, в полное владение жестоких эксплуататоров. Если же некоторые из рабочих и стремятся к лучшей жизни, так идут к ней с другого конца и надеются достичь личными усилиями.

Я пишу об этом в нашу рабочую печать и прошу товарищей шахтеров подумать о своем плачевном положении, а также я желаю обратить ваше, товарищи, внимание на то, что только объединившись всем вместе, организовавшись в революционные индустриальные сою-

зы можно завоевать право на лучшую жизнь, победить своих врагов и жить по-товарищески.

К солидарности я призываю вас товарищи-шахтеры!

Г. Рудак.

Книжный склад Голоса Труженика

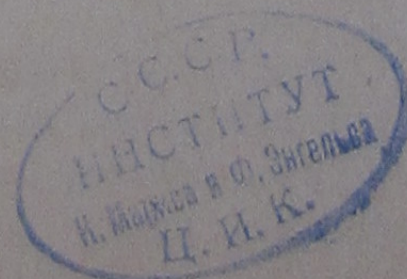
История Индустриальных Рабочих Мира, Я. Старик	25 с.
В переплете	50 "
Эволюция Индустриальной Демократии, А. Вудрофф	15 "
Интернациональный сборник революционных песен и стихотворений	25 "
Песни труда	15 "
Индустриальный Коммунизм и Индустриальные Рабочие Мира, Г. Варни	10 "
Один Большой Союз — величайшая вошь на земном шаре	15 "
Всеобщая забастовка и социальная революция, А. Роллер	10 "
Как машина заменила ручной труд, Гансен	10 "
Необходимость революции, Ж. Грав	5 "
Один Большой Союз И. Р. М.	10 "
Революционный Индустриализм, Г. Перри	10 "
Те, кто владеют и те, кто производят, С. Ниринг	5 "
Краткая история, строение и методы борьбы И. Р. М., В. Сан-Джон	10 "
Женщина и Синдикализм, Милли В. Рокер	5 "
Вместо программы (Издание Заграничного Бюро Р. К. А.-С.)	25 "
Альбом похорон П. А. Кропоткина	25 "
Кронштадт в русской революции, Е. Ярчук	25 "
Смертная казнь, А. Карелин	15 "

За что и как большевики изгнали анархистов из России, Г. П. Максимов	10 "
Ассоциационный анархизм, Лев Черный	\$1.25 "
М. Бакунин: Избранные сочинения том III. — Федерализм, социализм и анти-теологизм	75 "
Избранные сочинения том IV. — Политика Интернационала. Письма к французам. Парижская Коммуна.	75 "
Избранные сочинения том V. — „Альянс“ и Интернационал. Интернационал и Мадзини.	50 "
П. Кропоткин: Хлеб и Воля	75 "
Этика. Том I. — Происхождение и развитие нравственности	75 "
В. Траутман: Производственный синдикализм (индустриализм)	20 "
Джемс Гильом: Карл Маркс и Интернационал	25 "
Интернационал (воспоминания и материалы 1874-1878 гг.)	75 "
А. Боровой: Личность и общество в анархическом мировоззрении	20 "
В. Дав и Ж. Ивто: Пеллутье и революционный синдикализм во Франции	20 "
Н. А. Рубакин: Письма к читателям о самообразовании	\$1.00 "
В. Черкезов: Предтечи Интернационала. Доктрины Марксизма	50 "

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯЙТЕ ПО АДРЕСУ:

GOLOS TRUZENIKA,
1001 W. Madison St., Chicago, Ill.

Читайте и распространяйте „Голос Труженика“

уп 281